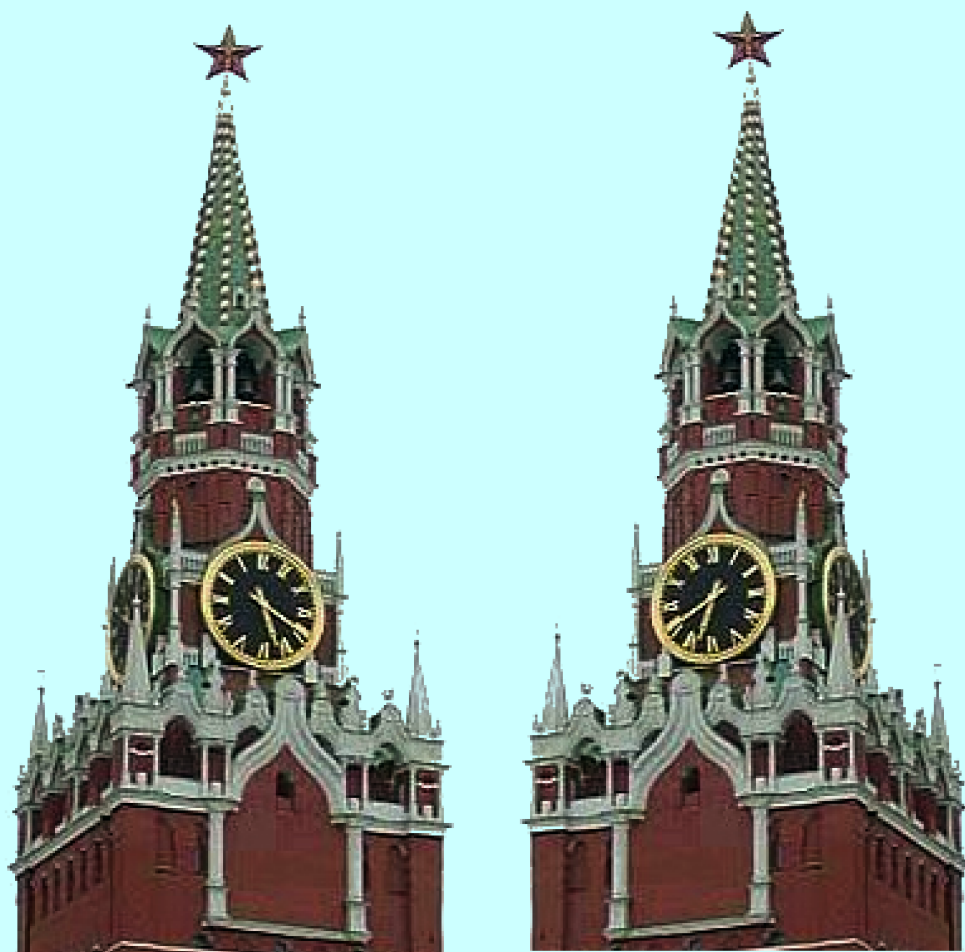

Диакон Андрей Кураев

ПРАВОСЛАВИЕ И ПРАВО

Церковь в светском государстве

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия

Предисловие

Русский человек часто оказывается в ситуации вынужденного молчания, когда сердцем он чувствует неправду происходящего, но аргументы властей кажутся неопровержимыми. Так представители советской власти гасили любое наше недоумение и возмущение напыщенной риторикой: "Вы что, отрицаете народный характер нашего строя? Вы что, против советской власти? Вы отрицаете наши поразительные успехи на пути преобразования народной жизни и на пути движения к коммунизму?"

Сегодня очередной удав пристально смотрит в глаза и, парализуя волю к мысли и сопротивлению, твердит: "О чем это вы беспокоитесь? Вы разве против прав человека? Против свободы? Против демократии? Да во всем цивилизованном мире так, как мы сейчас делаем в России!"

Демократия в России своеобразная. О ее высших ценностях и принципах нам напоминают всякий раз, когда мы пытаемся встать на защиту нашего, родного. Любо́й народ имеет право защищать свои национальные традиции и интересы — но за русским народом это право не признается: "Вы что, проповедник национализма, фашизма, ксенофобии? Вы за изоляцию России и ее противопоставление цивилизованному миру? Вы за нарушение прав человека?"

Сердце мучает: "Нельзя этого позволять!" А в ответ слышит от торжествующего пришельца: "Теперь можно, нам теперь все можно, теперь и в этой стране демократия!" И растерянный директор школы открывает двери перед сектантами, хотя и понимает, что совершает грех, что в чем-то предает своих же детей, но его разум нем: он не знает, как свои чувства воплотить в рациональные и правовые аргументы, как ответить пришельцам на понятном для них языке...

В этой брошюре и собраны такие аргументы, которые помогут людям согласовать принцип свободы совести, светскости и демократичности государства с отстаиванием интересов Православия. Здесь три статьи.

Первая содержит анализ законопроекта о свободе совести, принятого Думой летом 1997 г. и отклоненного Президентом, а также анализ тех дискуссий, которые развернулись вокруг закона в средствах массовой информации.

Вторая статья обращена специально к педагогам и говорит о том, как можно защищать школы от вторжения сект и как можно обосновать допустимость присутствия Православия в светских школах. В принципе, эти аргументы может использовать не только учитель, но и любой государственный служащий, если он станет перед аналогичными проблемами.

Третья статья напоминает о начале этих дискуссий и рассказывает о тех попытках остановить волну иностранного миссионерства, которые предпринимал Верховный Совет России накануне своего расстрела в 1993 г.

Первый текст опубликован как серия статей в газете "Труд" в августе 1997 г. Второй текст является главой из книги "Школьное богословие". Третий текст впервые был опубликован в 1994 г. в сборнике "Все ли равно как верить?" Здесь они собраны потому, что объединены единой темой, и потому, что они, к сожалению, еще не утратили своей злободневности.

Свобода совести и свобода сект

Все лето прошло в сопровождении дискуссий о свободе совести. 23 июня Государственная Дума в третьем чтении приняла закон "О свободе совести и о религиозных объединениях". 24 июня к Президенту обратился папа Римский Иоанн Павел II с призывом "быть бдительным" и не допустить вступления закона в силу 5 июля этот закон утвердил Совет Федерации. 8 июля президент США Клинтон обратился к "дорогому Борису" с выражением уверенности, что российский Президент выступит в защиту "новых религий и конфессий". 18 июля Патриарх Алексий и еще 48 епископов Русской Православной Церкви обратились к Президенту с просьбой подписать закон. 21 июля закон был отклонен Президентом. 6 августа Патриарх Алексий встретился с Президентом и попробовал его переубедить. В сентябре Дума попытается преодолеть президентское вето...

Поводов для газетных откликов, как видим, более чем достаточно. Вот только дискуссия вышла какая-то одноголосая. Число публикаций и выступлений против законопроекта раз в десять превышало число тех, кто вызывался защищать этот закон. Что ж, это уже почти привычная странность нашей общественной жизни. Журналистов и "экспертов" в отличие от депутатов никто не избирает.

Избранные же народом депутаты с поразительным единодушием проголосовали за этот закон. Из нескольких сот депутатов лишь пять были против. Это значит, что все депутатские фракции, все партии поддержали этот закон. И это в свою очередь значит, что в России не нашлось такой политической партии, которая прямо выступила бы против законопроекта. И тем не менее закон оказался отклонен. И тем не менее средства массовой информации обрушили на него критику столь же дружную, сколь и резкую, и столь же неширокую в наборе своих аргументов, сколь и некомпетентную.

Значит, с одной стороны, те газеты, что с нарочитой гордостью называют себя "демократическими", демократичны совсем не в том смысле, что они выражают мнение большинства народа. С другой стороны, этот же факт заставляет предположить, что эти газеты связаны с такими центрами политической силы, которые не представлены в парламенте.

По правде говоря, я человек не скорый на подъем. И за перо я берусь каждый раз после предельно возможного выжидания. Сколько могу — я надеюсь, что найдется другой человек, который сможет публично изложить та-

кие суждения по спорному вопросу, которые будут и в доводах, и в выводах согласны с моей позицией. Но если этого не происходит — тогда мне приходится откладывать в сторону свои текущие дела и книги и входить в публичную дискуссию. Вот и теперь — я сторонился сколько мог споров вокруг закона. Но волна лжи, наговоренной вокруг него, превзошла всякую меру. И стало понятно, что речь идет не о сектах и даже не о законе. Речь идет о будущем России.

Поэтому, воспользовавшись открытостью "Труда", я публикую серию статей об этом законе. Часть из них будет написана на языке "целесообразности". Другие — на языке права.

Целесообразность принятия нового закона о свободе совести стала очевидна давно — еще в 1993 году. Ныне действующий закон была принят в 1990 г. Его цель была прекрасна и понятна: освободить жизнь религиозных организаций от вмешательства государства. Но очень скоро выяснилось, что свобода религиозных организаций есть лишь одна из граней свободы совести. Оказывается, порой необходимо защищать людей от религиозных организаций.

И еще одно стало очевидно за эти годы. В 1990 году казалось, что свобода религии — это свобода, нужная очень небольшому числу людей. Журналисты тогда подчеркивали, что государство не должно бороться со своими стариками, что бабушки своим трудом заработали себе право в старости спокойно ходить в церковь... Неверующие и коммунистически убежденные депутаты в 1990 г. по сути проголосовали за принцип "политика должна быть экономной": надо перестать тратить силы на борьбу с прошлым; пусть оно само доживает свой век как хочет, а наши силы принадлежат будущему — "перестройке".

Сегодня же вопрос о религиозных свободах — это вопрос о молодежи: "молодежные секты" (jugendreligionen) = "тоталитарные секты". Значит, вопрос о религиях — это вопрос о будущем. И не только о будущем небольших "маргинальных" групп. Это вопрос, который повлияет на будущее всей страны.

В духовной области будущее народа никогда не зависит от большинства. Все люди равны перед законом и перед Богом. Но есть таинственное неравенство в талантах. Кто-то приходит в наш мир, одаренный талантом любви, кто-то — талантливый врач, кто-то — гениальный собеседник. Из евангельской притчи о талантах следует, что не все люди в равной мере обладают способностью к духовному отклику. Не все способны в

равной мере почувствовать духовную жажду и перестроить всю свою жизнь так, чтобы душа утолила свою тоску по Вечности. Социологи подтверждают это евангельское утверждение. Независимо оттого, господствует ли в обществе атеистический режим, теократия или же политика государственного безразличия к вопросам религии, лишь 10-15 процентов населения способны к самостоятельному религиозному выбору. Это те, что получили "десять талантов". Это люди, изначально религиозно более одаренные, чем другие. Может быть, их сограждане более одарены в других областях (в музыке, в науке управлять другими, в искусстве семейной жизни...), но талант веры особо ярок у этих 15 процентов.

Остальные 85 процентов в религиозной сфере готовы быть ведомыми. Они не возражают, если их веру кто-то формулирует вместо них и просто сообщает: "Знаете ли, с сегодняшнего дня мы все верим так-то..." Им говорят: "Вы атеисты" — и они соглашаются: "Да, в самом деле. Это попы нарочно от нас скрывали, что мы от обезьяны произошли". Затем им говорят: "Да что ж вы забыли веру ваших отцов?! Мы же православные!" — и они опять согласны: "Как же это мы слушали байки этих коммунистов и стали Иванами, не помнящими родства!" Когда же им скажут: "Да что вы! Христианство — это иноземная религия, ее жиды нарочно придумали, чтобы нашу, исконно арийскую ведическую веру заменить, чтобы заставить нас, славян, вместо Крышняя-Кришны поклоняться ихнему Христу!" — и опять толпа послушно возмутится: "Да сколько ж можно от нас прятать нашу родную экстра-сенсорику и магию!"

Судьбы народов зависят в религиозной сфере от того выбора, что сделают 10-15 процентов религиозно самостоятельных граждан. А значит, миссионеру для обращения народа в свою веру не нужно обращать большинство населения. Достаточно притянуть к себе внимание и умы тех, кто сам ищет религиозную истину. А затем эти 10-15 процентов уже передадут свой опыт и свои убеждения остальным... Но это — если ставится задача позитивная и глобальная — обращение целого народа. А если задача носит чисто негативный характер: раскол народа, то достаточно эти 15 процентов расколоть на тридцать групп по полпроцента — и народный организм будет духовно обезглавлен. Это то, что и делают сегодня секты в России.

И шестьдесят миллионов россиян считают себя православными лишь до той поры, пока консенсус десяти миллионов (раздробленных между собой, но единых в своем неприятии Православия) не скажет, им: да что вы, быть православным уже не модно!

Итак, государственная политика в религиозной области необходима по трем мотивам.

Во-первых, потому, что сегодня это реальность, прямо касающаяся судеб миллионов россиян. И среди этих миллионов есть тысячи, которым соприкосновение со сферой религии сломало судьбы, а отнюдь не исцелило души. Там, где затронуты интересы многих и многих граждан, там государство обязано, просто уполномочено своими избирателями наблюдать за тем, чтобы свобода одних не оборачивалась болью для других.

Во-вторых, потому, что религиозный выбор сегодня гораздо активнее и резче делают молодые, а значит, люди, которые имеют относительно немного опыта и информации, но от которых вскоре будет зависеть жизнь нашей страны.

В-третьих, государство должно выработать религиозную политику точно по тем же основаниям, по которым оно вырабатывает политику культурную, образовательную или национальную. Ибо государства создаются людьми для того, чтобы завтрашний день не стал страшнее дня сегодняшнего.

Государство существует прежде всего для того, чтобы обеспечить людям будущее. Чтобы народ, создавший государство, мог жить и в следующем поколении, а не был выбит пришельцами, не вымер бы от голода или распада экономики. Государство существует для того, чтобы народ не должен был кормить чужую армию.

Еще государство нужно для того, чтобы страна не стала колонией, чтобы жизнь страны, ее политика, экономика, быт и культура не управлялись из-за рубежа в соответствии с интересами других народов или групп людей.

Наконец, национальная, образовательная, культурная и религиозная политика государства должна быть направлена на то, чтобы наши дети были именно нашими детьми. Чтобы они говорили на нашем языке, чтобы они ценили то, что придавало смысл жизни нашим предкам и нам. Чтобы то лучшее, что создано нашей культурой в прошлом, жило и в будущем. В общем, государственная политика в этих областях должна быть направлена на то чтобы наши дети были нашими, а не созданиями чужих идеологий и культур.

Это философы могут быть совершенными космополитами и оспаривать или принимать истины независимо от того, на какой земле то или иное суждение было впервые сформулировано. А государство имеет полное право мыслить в категориях "наше" и "чужое" и во всех сферах поддерживать на-

циональное начало, то есть интересы своих граждан и избирателей: национальные банки, национальный кинематограф, национальную экономику, национальную армию, национальную школу, национальный театр, национальную церковь.

В философии или в богословии дурно выглядит протекционизм, аргументирующий по принципу: это верно потому, что это наша национальная идея, а вот это не может быть истиной потому что сказано человеком другой крови.

Но государство создано не для того, чтобы заниматься свободным поиском истины, а для того, чтобы реализовывать и защищать реально существующие интересы своих граждан.

Между прочим, американский конгресс не ограничился призывом к российскому Президенту наложить вето на закон. Он намерен еще и внести поправку в американское законодательство. Каждый год американский конгресс принимает закон о помощи зарубежным странам. Понятно, что для этого закона отнюдь не все страны равны. И вот попытка России поставить барьер перед американскими проповедниками сразу отозвалась поправкой к закону: запретить оказание помощи России в размере почти 200 миллионов долларов... Американцы правы: наш закон противоречит их национальным интересам. Но и наши политики должны столь же решительно защищать интересы своего народа даже в тех случаях, когда они не совпадают с интересами американцев.

А у нас есть свои национальные интересы, и мы вправе ожидать, что они будут отражаться в наших законах и в политике нашего государства. "Если этот интерес состоит в том, чтобы наши дети владели литературным русским языком, то, при всем уважении к английскому, он не может занимать в наших школах столько же часов. Если этот интерес в том, чтобы дети знали историю своей земли и своего народа, то история России должна изучаться с большей тщательностью, чем история Лихтенштейна, хотя, может быть, она ничуть не менее назидательна и трагична, чем история Руси. Причем не только с большей тщательностью, но и с большей любовью.

Этой весной в Магадане я побывал в одной школе ("лицее"), где старшеклассникам история России преподавалась по книге З. Бжезинского. Это я узнал лишь позже — сначала же я был просто поражен тем самоуверенным отторжением Православия и даже просто обычного национального чувства, которое я встретил в этих подростках. Они твердили только об одном: "Все имеют право делать все". А потом выяснилось, что воспитаны они не на

Соловьеве и Достоевском, а на Бжезинском, на книгах идеолога, который придумал назвать нашу страну "империей зла". Историки имеют право спорить — чье видение истории России глубже и вернее: Бжезинского или Солженицына. Но учитель государственной школы не имеет права прививать детям ненависть к своей стране.

Так что государство вполне может проводить политику поддержки и защиты традиционной духовной культуры. Какие должно оно взирать на судьбы пушкинского наследия с холодно-юридической точки зрения "равноправия всех перед законом", так не должно оно холодно напоминать о "равноправии" российских и зарубежных религий. Да, перед законом Цветаева и Тюткин равны. Но государство имеет право взять под свою охрану квартиру Цветаевой и ее архивы и государственными мерами обеспечить знакомство школьников с наследием Цветаевой, но при этом и пальцем не пошевелить для того, чтобы бесценные вирши Тюткина стали известны нашим потомкам.

Равенство религий перед законом означает прежде всего равенство перед законом граждан независимо от того, к какой религиозной группе они принадлежат или не принадлежат. Если человек совершил преступление — то на приговоре суда не должно сказаться, кто он: мужчина или женщина, профессор или кочегар, православный или атеист, член правящей партии или активист оппозиции. И если религиозная организация нарушила закон — то опять же для закона не должно иметь значения, кто бросил вызов праву: Московская Патриархия или религиозная организация, возникшая год назад и насчитывающая всего лишь сорок адептов. Такого рода равенство утверждается и в новом законе.

Но равенство религий перед законом не может означать их равенства перед культурой и историей России. Да, Церковь отделена от государства. Но она не отделена от общества, от людей. И потому государство должно взаимодействовать с Церковью и должно осуществлять религиозную политику, а не просто повторять нормы закона о "равенстве" и ими заслоняться от всякого сотрудничества.

Закон ставит пределы, за рамки которых не может выходить деятельность людей и организаций в этой области. Но законом отнюдь не определяются все действия людей в той области жизни, которую он призван регулировать. Закон ставит границы. Но было бы смешно представлять себе Россию, ограничившись лишь изучением ее границ. Жизнь страны не сво-

дится к существованию ее пограничных столбов и к бытию контрольно-следовательных полос.

И долг государства перед религиозной жизнью своих граждан не сводится только к принятию закона. Закон должен помочь осуществлять государственную политику. Политика же, как известно всем, — это осуществление определенных групповых интересов, хотя и регулируемое рамками закона. Но именно понятие государственного интереса напрочь забывается критиками закона.

Что ж, предположим, что я — директор кондитерской фабрики. Для моей работы мне нужно закупать на рынке сахар. В моем городе есть десять фирм, готовых продать мне сахар. И каждая из них действует законно, у всех есть и регистрации, и лицензии. Закон дает мне право заключить контракт с любой из них. Следует ли из этого, что я обязан покупать у них сахар поровну и по очереди? Даже если мой заводик находится в муниципальной, то есть государственной, собственности, — даже тогда я никак не обязан сотрудничать со всеми теми фирмами, которые зарегистрированы государством. Оставаясь в рамках закона, я могу действовать исходя из своих вполне частных соображений и интересов. Я могу, например, решить, что мне неинтересно закупать сахар на Кубе. А вот у меня жена с Украины — так я лучше вложу деньги в родственную украинскую экономику, чем в поддержку каких-то странных людей с другого полушария... И теща меньше ругать будет, если узнает, что мои партнеры с Украины...

Но точно так же государство совсем не обязано равно сотрудничать со всеми теми религиозными группами, за которыми оно признало право на существование и которым дало законную регистрацию. Оно может избрать для постоянного сотрудничества те религиозные движения, которые представляют большие группы населения и которые внесли и вносят добрый вклад в историю страны и жизнь ее народов.

Так вот, закон должен предоставлять государству пространство для осуществления государственной политики в области религии. Именно этого не мог допустить один из тех пяти человек, что в июне голосовали против законопроекта, — депутат Валерий Борщев. В том проекте закона, который он отстаивал еще осенью, значилось: "Установление каких-либо преимуществ или ограничений для одной или нескольких религиозных организаций не допускается" (ст. 4,1). Такая формулировка, предлагавшаяся осенью В. Борщевым и его помощником Глебом Якуниным и отклоненная Думой, позволяла бы блокировать, например, создание православных храмов на терри-

тории исправительно-трудовых учреждений и при больницах: это тоже может рассматриваться как "установление преимущества" ("Почему именно православный храм? Почему не униатский?") Такая норма стала бы запретом на проведение религиозной политики государством. Государство, скованное такой нормой, не могло бы реагировать на пожелания большинства жителей того или иного региона и не могло бы сотрудничать с конфессиями большинства.

Но мнение наиболее крупных и авторитетных религий России (православных, мусульман, буддистов) никак не похоже на мнение Борщева и Якунина. Мы обращаем внимание на то, что государство имеет право предоставлять льготы общественным организациям (например антифашистским, детским, спортивным и т. п.), коммерческим структурам. И спрашиваем: почему же оно не может исходить из учета пожеланий больших групп людей и из общественной целесообразности при общении с религиозными движениями?

Закон должен оставить государству такую возможность, но продуманный закон должен был бы и государство, и общество, и религиозные группы уберечь от вполне определенной опасности: не допустить, чтобы государство, помогая, стало насилловать.

Из истории, и даже из современности, мы знаем, что сотрудничество религии и государства может иметь разные формы. Назовем основные. 1. Государство наказывает за отречение от господствующей религии. 2. Государство поощряет переход в господствующую религию. 3. Государство контролирует церковную жизнь и прежде всего вероучение. 4. Государство контролирует основные моменты церковной жизни (например, назначение епископов). 5. Государство помогает господствующей религии, одновременно ограничивая права религиозных меньшинств. 6. Государство не помогает господствующей религии, но ограничивает права религиозных меньшинств. 7. Государство помогает господствующей религии, не ограничивая активности религиозных меньшинств.

Мы резко отвергали первые четыре варианта и предлагали седьмой; Дума избрала шестой.

В этом, по моему мнению, и коренится причина уязвимости закона о свободе совести для критики. Закон оказался открыт для критики прежде всего потому, что он слишком компромиссен, и потому, что он слишком устарел. Несколько последних лет Русская Православная Церковь действительно настаивала на ограничениях в деятельности сект, прежде всего иностран-

ных. Но за эти годы все, кому это было интересно, уже открыли в России свои филиалы. Закон же по-прежнему пытается поставить преграды на пути малых религиозных групп иностранного происхождения. Но сегодня от законодателя целесообразно добиваться другого: юридической базы для сотрудничества традиционных конфессий и государства.

Для Церкви было бы важно, чтобы в законодательство было введено понятие традиционной конфессии.

В таком случае можно было бы, предоставив всем религиозным группам некий необходимый набор прав (в том числе и права юридического лица), строить разумную государственную политику в области религии не путем отнятия прав у кого-то, а путем расширения прав некоторых религиозных групп. Это был бы не путь репрессий, а путь льгот.

По этой схеме государство не мешает осуществлять свою деятельность всем религиозным группам, в которых нет прямого и доказуемого нарушения прав человека. Но при этом государство открыто сотрудничает с теми религиями, которые представляют интересы большинства граждан и которые внесли наибольший вклад в культуру и историю страны.

Церковь не заинтересована в ограничении прав кого бы то ни было. Нам нужно лишь, чтобы государство, которое весьма в значительной мере существует на налоговые отчисления своих православных граждан, предоставило бы нам возможность быть этими гражданами не только в храмах.

Четыре сферы должны быть открыты для сотрудничества государства и Церкви: 1) система государственного образования (естественно, при соблюдении добровольности); 2) сфера государственных средств массовой информации; 3) программы восстановления и сохранения памятников церковной культуры; 4) сфера социального служения (институт церковных капелланов в армии, тюрьмах, больницах, интернатах).

Это не навязывание Православия через государственные механизмы. Это попытка граждан, небезразличных к религии, заставить государство действовать с учетом специфически религиозных интересов огромной части избирателей.

Если люди хотят, чтобы их дети получали знания о Православии, — государство должно предоставить такую возможность. Законы Финляндии признают традиционными две религии — лютеранство и Православие, и если большинство в школе составляют лютеране, то даже для самого незначительного православного меньшинства школа должна пригласить право-

славного законоучителя и оплатить его проезд и его работу. Если школы оплачивают труды руководителя кружка "умелые руки", то почему же считается чем-то недопустимым оплачивать работу человека, который будет приучать к труду душу?

Если люди хотят большего присутствия Православия в СМИ — то те средства информации, которые содержатся полностью или хотя бы частично за государственный счет, должны учесть это пожелание тех людей, на чьи деньги они и существуют. И, между прочим, очень неумно отсутствие на федеральном телевидении мусульманских передач.

Если людям тяжело (будь то в армии, в тюрьме, в больнице) и они хотят видеть рядом с собою православного священника — государство должно предоставить услуги не только психиатра, не только "замполита" и не только "массовика-затейника", но и помощь священника.

Речь идет не только о том, чтобы нас "пускали" в эти сферы, речь идет о том, чтобы из госбюджета оплачивалось присутствие этих посланцев Церкви и их работа ради людей.

Равенство религий перед законом не обязательно предполагает, что у всех религиозных групп одинаковые отношения с государством. Статус "традиционных религий" предусматривается законодательством большинства стран Европы. Показательно, что в письме Римского папы Президенту Ельцину по поводу закона говорится о том, что "Святой Престол с сожалением отметил, что в этом тексте нет никакого упоминания о "традиционных религиях", среди которых всегда фигурировал католицизм, и что Католическая Церковь ни разу не названа".

Как видим, католики привыкли к тому, что законы европейских стран говорят не только об анонимно-безликих, и потому равноправных, "религиозных организациях", но и конкретно именуют — и именно в привилегированном статусе — "традиционной" Католическую церковь. Существует сегодня Россия в пределах Российской империи, и упоминание католиков в качестве "традиционной религии" было бы возможно — ради польских и литовских подданных Короны. Но в том обрубке, который именуется РФ, называть католичество "традиционным" было бы совершенно необоснованно.

Тем не менее, действительно жаль, что термин "традиционные религии" не вошел в текст законопроекта. Если бы традиционные конфессии достойно и пропорционально присутствовали в этих сферах жизни общества, то

не нужно было бы ставить вопрос об ограничении деятельности иностранных миссионеров или вновь возникающих сект.

Нельзя бороться с пустотой, выгоняя ее в форточку. Пустоту можно только заполнять. Секты бесполезно запрещать и почти бесполезно критиковать. Нужно просто помочь традиционным религиям привить людям такой духовный вкус, такие знания о духовной сфере, чтобы никакие спекуляции сект были бы невозможны.

И все же Дума, повинувшись, возможно, еще советскому инстинкту, не пошла на законодательное признание "традиционных религий" и на описание возможностей их взаимодействия с обществом и государством. Отказавшись признать за Православием и другими крупными конфессиями статус традиционной религии, открыто и законно сотрудничающей с государством. Дума сохранила почти что ленинское понимание принципа "отделения Церкви от государства".

Грань между традиционными конфессиями и новыми в принятом Думой законе проводится по иному принципу: первые получили статус юридического лица, вторые — нет.

Мне кажется очень важным подчеркнуть, что вопреки утверждениям прессы этот законопроект не является воплощением пожеланий нашей Церкви. Это вполне компромиссный текст, в котором учтена лишь часть наших предложений. Церковь поддерживает не столько сам текст этого законопроекта, сколько его тенденцию: сделать шаг к защите людей от сект.

В случае окончательного принятия закона возможности для деятельности нашей Церкви в российском обществе не расширяются. А в случае его отклонения наша Церковь ничего не теряет. Те пункты, которые наиболее резко оспариваются противниками этого законопроекта, нас никак не касаются. Это означает, что в начавшейся дискуссии для нас речь идет не о наших правах, а об интересах нецерковного общества. Нам, православным, секты не угрожают. Люди действительно церковные не будут увлекаться Аум Синрике. Для нас защита законопроекта — это защита не наших интересов, а интересов страны и людей.

Но при этом все равно критики закона создают у людей впечатление, будто именно мы, исходя из каких-то корыстно-корпоративных интересов, призвали к ограничению прав людей иных религиозных убеждений.

Впрочем, и слухи о том, что новый закон кого-то серьезно ущемит в правах и вызовет притеснения нетрадиционных религий, появившихся в России за последние годы, совершенно необоснованны.

Основная идея законопроекта о свободе совести, вызвавшая самую серьезную критику, — разделение религиозных объединений на религиозные группы и религиозные объединения. Религиозные группы осуществляют свою деятельность без получения прав юридического лица.

Надо заметить, что появление похожей нормы в законе 1990 г. было большим успехом на пути освобождения религиозной жизни. Это означало, что регистрация религиозных объединений госорганами перестала носить обязательный и разрешительный характер и приняла характер уведомительный. Ряд религиозных групп считает для себя вообще недопустимым получать государственную регистрацию ("катакомбники", "баптисты-инициативники", "свидетели Иеговы" и т.п.). Чтобы не ставить таких людей прямо вне закона и не объявлять их деятельность антизаконной, была предусмотрена возможность существования религиозной группы без получения прав юридического лица.

В новом законопроекте эта норма прописана более подробно. Важно отметить ст. 7,2: "Граждане, образовавшие религиозную группу, уведомляют о ее создании и начале деятельности органы местного самоуправления". Как видим, достаточно едва ли не позвонить в мэрию, чтобы религиозная группа могла начать действовать. Если религиозная организация должна представить устав, сведения о своей истории и вероучении, то религиозной группе даже этого не нужно. Закон не указывает даже форму реакции госорганов на уведомление. И это означает, что от религиозной группы государство не вправе требовать ничего более, нежели "уведомления", совершаемого едва ли не в любой форме.

В принципе это — радикальное отграничение деятельности этих групп от вмешательства и контроля со стороны государства. Целесообразно это или нет — вопрос отдельный. Но нельзя не признать, что это более чем демократично.

Впрочем, при желании и здесь можно увидеть "нарушение демократических принципов". В обращении Российского отделения Международной Академии Религиозной Свободы отмечается, что "иначе, как вмешательством властных структур в дела верующих, нельзя назвать положение, в соответствии с которым граждане, решившие создать религиозную группу, обязаны уведомлять о своем решении представителей местных властей" (Из-

вестия, 16.07.97). Между прочим, слова "обязаны" в законопроекте нет. Там стоит просто — "уведомляют". Но разве есть иной путь вступить в контакт с государством, помимо "уведомления"? Разве можно начать партнерскую деятельность, и даже знакомство, не представившись? Если кто-то не захочет иметь дела с государством вообще — пожалуйста. Но если ты хочешь попасть в сферу действия закона, публичного права, — то как минимум надо подойти к этой сфере и назвать свое имя. Закон и не требует ничего большего.

Однако за эту радикальную свободу религиозным группам приходится кое-чем заплатить. А именно — за свою невидимость для государственной власти они платят тем, что "не засвечивают" себя в сфере публичных правовых отношений. Они не получают прав юридического лица и, соответственно, не имеют права приобретать собственность, арендовать помещения, приглашать иностранных миссионеров.

Вообще, из законопроекта не вполне ясно — что же именно могут делать религиозные группы. Так, ст. 7,3 гласит: "Религиозные группы имеют право совершать богослужения, религиозные обряды и церемонии". Исчерпывающий ли это список? Имеют ли право религиозные группы вести религиозную пропаганду?

Однако ст. 6,1-2 признает право на активную проповедь и за религиозными группами: "Религиозным объединением... признается объединение, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры... религиозные объединения могут создаваться в форме религиозных групп и религиозных организаций". Как видим, право на "распространение веры" признается не за религиозными организациями, а за "религиозными объединениями", в число которых входят и религиозные группы. Аналогично и ст. 5,3 признает право "обучать своих последователей религии" за "религиозными объединениями", а не только за религиозными организациями.

Так что вывод О. Мороза о том, что религиозные группы не могут заниматься "вообще какой-либо деятельностью, кроме богослужений" (Литературная газета, 23.07.97), нельзя признать обоснованным.

Для тех, кто желает быть человеком-невидимкой, все эти нормы чрезвычайно благоприятны. Суть проблемы, однако, в том, что такими "невидимками", отсутствующими в сфере публичных правовых отношений, законопроект делает не только тех, кто этого сам желает. Поэтому главный пункт критики законопроекта не в том, что он позволяет существовать религи-

озным группам без регистрации, а в том, что он еще и не разрешает им регистрироваться до истечения "карантинного срока" в 15 лет.

Критика этого положения законопроекта отличается сугубой недобросовестностью. Она строится на двух подменах.

Первая подмена: законопроект описывает механизм регистрации тех религиозных движений, которые будут возникать в будущем. Не стоит опасаться, равно как и не стоит надеяться на то, что под это ограничение законопроекта подпадут те религиозные организации, в том числе нетрадиционные, которые возникли в России за последние семь лет.

Фундаментальная правовая норма гласит, что никакой закон не может иметь обратной силы (см. ст. 54,2 Конституции РФ). Если вчера я совершил некоторое действие, которое не было преступным с точки зрения того законодательства, что действовало в стране в тот день, а сегодня парламент принял новый закон, согласно которому такие поступки объявляются незаконными и преступными, то меня не могут привлечь к ответственности по этому новому закону. Если завтра парламент примет решение, что за безбилетный проезд в автобусе полагается расстрел, и множество свидетелей расскажут о том, что вчера, за два дня до принятия нового закона, я ездил без билета, — то меня все же придется оставить в живых.

Аналогично и те религиозные организации, которые получили регистрацию в прежние годы на основании ныне действующего законодательства, не могут быть ее лишены. Если при перерегистрации (а законопроект говорит о ней в ст. 27,5) некая община будет снята с регистрации и лишена имеющихся у нее прав юридического лица — она сможет обжаловать это решение в суде (согласно ст. 12,3). Только суд компетентен давать толкования закона. А в данном случае судебное решение не вызывает сомнений. Суд не может руководствоваться соображениями "целесообразности", а конституционная норма не позволяет давать вновь принятому закону обратную силу.

Поэтому приходится признать откровенную недобросовестность тех "экспертов", что составляли послание Президента Ельцина Думе. В нем, вопреки элементарной юридической логике, утверждается, что "религиозные объединения, существующие менее 15 лет, согласно статье 9 и статье 27,5 Федерального Закона лишаются прав юридического лица", и утверждается, будто закон предусматривает "принудительную ликвидацию юридического лица".

Вообще для критиков законопроекта характерно стремление видеть несовместимые противоречия там, где, напротив, предполагается взаимная увязка двух норм. Если Конституция не разрешает обращать действие закона в прошлое, а закон вводит определенный механизм государственной регистрации, значит, этот механизм будет работать только в будущем.

Вторая подмена состоит в том, что требуемое законопроектом подтверждение о 15-летнем существовании религиозной группы понимается как наличие 15-летнего срока со времени первой регистрации этой группы в госорганах. При этом опять же все это проецируется в прошлое и возмущенно заявляется: да ведь в этом случае даже католики будут лишены прав юридического лица, ибо они получили регистрацию только семь лет назад!

Вот как эта подмена производится в письме Российского библейского общества (это протестантская организация) Президенту Ельцину: "Требуется подтверждение от местных органов власти, что данная религиозная группа существовала на данной территории... Таким образом, многие российские граждане подвергаются дискриминации по более чем странному признаку принадлежности к религиозной группе, не имевшей "счастья" быть признанной органами советской власти" (Русская мысль, 30, 1997).

Как видим, физическое существование здесь подменяется юридическим существованием. Если действительно исходить из тождества "подтверждения о существовании" (ст. 9,1) и подтверждения о существовании в качестве юридического лица, то и Московская Патриархия тоже окажется в числе "религиозных групп". Согласно ленинскому декрету 1918 г. все религиозные организации были лишены прав юридического лица. Возвращены эти права были нам лишь в 1990 г.

Для подтверждения же физического или, точнее, социального существования достаточно любого упоминания сданной религиозной общине в архивах "органов местного самоуправления", чтобы начать с этого момента отсчитывать время существования данной группы. Например, обращение с просьбой о регистрации (пусть даже в этом обращении советской властью было отказано). Или же отчет какого-либо чиновника (или сотрудника органов, или активиста атеистической пропаганды) о религиозной ситуации в данной местности, где упоминается эта группа. Пусть даже она упоминается как существующая в подполье и занимающаяся скрытой антисоветской деятельностью — это уже "подтверждение о существовании".

Поэтому все причитания американских конгрессменов о том, что данный закон признает только те религиозные общины, которые были признаны

и зарегистрированы советской властью при Брежневe и Андропове, строятся на банальном подлоге.

Вместо того чтобы обсуждать вопрос о том, можно ли лишать регистрации те общины, что не действовали в советской России, но уже действуют сегодня, надо обсуждать другой вопрос: нужно ли, чтобы к тем общинам, которых еще нет, но которые будут возникать, прилагалась такая норма. Для этого надо очень ясно представлять себе, что никого из ныне действующих субъектов религиозной деятельности эта норма законопроекта не затрагивает.

Даже принятый законопроект не устранил из религиозной жизни России те протестантские миссии и иные секты, которые в нее уже вошли. Закон — даже принятый в нынешней редакции — ни в малейшей степени не ограничит деятельность тех сект, что уже обосновались в России. Возврата к прошлому он в себе не несет.

Не стоит преувеличивать антисектантский потенциал нового закона о свободе совести. Даже те сектантские течения, которые возникнут в будущем, он не сможет сколь-либо серьезно ограничить. Законопроект лишь декларирует намерение, делает пугающий жест, но реально почти не содержит в себе инструментов, с помощью которых можно было бы уменьшить влияние сект.

Даже "карантинный срок", вводимый этим законопроектом, скорее осложнит религиозную ситуацию в России, чем ее разрядит. Да, религиозные группы серьезно ограничиваются в своих правах. Но основной недостаток законопроекта в том, что он не дает четких критериев, по которым государство могло бы само определить — перед ним религиозная группа или общественное объединение граждан, или просто кружок друзей.

То, что религиозная группа лишь уведомляет о своем существовании, означает, в частности, что само государство не имеет ни права, ни критериев, по которым оно само могло бы квалифицировать деятельность этой группы как именно религиозную. Только если люди сами открыто заявляют, что они намерены составить именно религиозное объединение, они попадают в сферу, регулируемую данным законом. А если эти люди не захотят сделать такого заявления? Если они предпочтут назваться "культурным фондом" или "образовательным центром"?

Большинство сект в России не считает себя религиозными центрами. Это кружки оздоровления (типа "деток" Порфирия Иванова), школы вос-

точной медитации, эзотерические лектории, рериховские кружки, центры колдовства и магии, "академии народной медицины", "академии биоэнергетических информационных наук", курсы "глубинной психологии" и т.д. и т.п.

Признаками религиозной организации в законопроекте означены: "Вероучение; совершение богослужений, религиозных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей" (ст. 6,1).

Это ложное определение, совершающее логическую ошибку *idem per idem* — "то же самое через то же самое". Это круг в определении. Надо определить, что такое религиозная организация, а нам говорят: это та организация, в которой есть религиозность ("религиозные обряды, религиозное обучение"). Но какое обучение является "религиозным"? Какие действия являются "религиозными обрядами"? По закону выходит, религиозными являются действия, совершенные религиозной организацией. А если некая группа не зарегистрировалась в качестве религиозной и не употребляет термина "религия" применительно к себе — то ее деятельность будет рассматриваться как светская, как культурная даже в тех случаях, когда она является прямо магической.

Получается, что закон дает неработающее определение. Стоит только какой-либо группе сказать "а у нас не вероучение, у нас духовное знание", как ее уже нельзя будет определять в качестве религиозной. Тем самым исключительное право определять, являются ли религиозными то или иное учение и практика, закон предоставляет самим адептам этих учений. За государственными инстанциями и за судом закон такого права не признает — ибо дает ложное, неработающее определение религии.

Суть проблемы здесь в том, что большинство сект не регистрируются в качестве религиозных организаций и не называют себя религиями ради того, чтобы иметь возможность сотрудничать с образовательными структурами и активно нарушать принцип отделения школы от религии. Кроме того, именуя себя "наукой" или "философией", они легче получают симпатии людей и государственных чиновников.

Поэтому в законе важно дать такое определение религии, которое могло бы защитить светский характер государства. Для этого нужно четкое определение религии, позволяющее государству самостоятельно, независимо от самопредставлений проповедников решать — является ли эта группа людей, вошедшая в контакт с госчиновниками, религиозной и не нарушает ли она своим настойчивым стремлением к прописке в государственных учреждениях светский характер самого государства. По тексту нынешнего зако-

нопроекта вопрос об этом отдан на откуп самим этим группам: если они заявляют, "мы не религия", — государство лишается возможности провести свою экспертизу и потому легко может стать инструментом для распространения религиозных идей и практик.

С точки зрения правовых отношений религия есть вид человеческой деятельности. Право должно регулировать те отношения между людьми, которые возникают в ходе их религиозной деятельности. Эта деятельность отличается от остальных видов человеческой деятельности по своим целям. У культурной работы — свои цели, у просветительской или научной — свои. Религиозная деятельность есть та, при осуществлении которой преследуются именно религиозные цели. Эти цели могут быть охарактеризованы как религиозные только в том случае, если никакие другие виды человеческой деятельности не ставят своей целью их достижение. Таких целей существует две: 1) контакт с надчеловеческим духовным миром; 2) важнейший смысл этого контакта видится как преодоление смерти.

Смерть и способы ее преодоления, равно как и представления о надчеловеческом духовном мире, могут быть совершенно различными в разных религиях. Поиск нирваны или Царства Божия, лучшей реинкарнации или растворения в Брахмане, воскрешение на полях Иалу или обретение вечной жизни на земле — это разные представления о посмертной судьбе человека. Но там, где предлагаются некие средства, с помощью которых в ходе земной человеческой жизни можно оказать влияние на свою посмертную участь, — там есть религия.

Так же весьма различны во всех религиях представления о Личном Боге и о безликом абсолюте, о Дао и о мире духов, о мире предков или о "космической иерархии". Но там, где ставится задача контакта с этим надчеловеческим духовным миром, там также есть религия.

Выдающийся русский философ С.Н.Трубецкой дает такое определение религии в словаре Брокгауза и Эфрона: "Религия может быть определена как организованное поклонение высшим силам... Религия не только представляет собою веру в существование высших сил, но устанавливает особые отношения к этим силам: она есть, следовательно, известная деятельность воли, направленная к этим силам".

Соответственно, чтобы определение религиозной организации в ст. 6,1 работало, оно должно было бы звучать так: "Религиозными организациями признаются добровольные объединения граждан (физических лиц), образованные в целях осуществления религиозной деятельности. Признаком рели-

гиозной деятельности является стремление достичь специфически религиозной цели, каковой признается контакт с надчеловеческим духовным миром, понимаемый как имеющий значение для определения судьбы человека по смерти его тела. Деятельность, направленная на установление такого личного контакта, называется религиозной практикой (религиозным обрядом, религиозной церемонией, богослужением). Концептуальное осмысление такого рода деятельности называется религиозным вероучением. Распространение сведений о вероучении, имеющее целью привлечение людей к участию в религиозной практике, именуется религиозным обучением, воспитанием, проповедью. Признаком религиозной организации является наличие религиозной деятельности, проявляющейся: в вероучении; совершении религиозных обрядов, церемоний и богослужений; религиозном обучении и воспитании, проповеди или иных формах распространения вероучения".

С неработающим определением религии закон не сможет поставить преграду на пути сект. Вновь возникшая секта в случае вступления данного законопроекта в силу будет действовать следующим образом: с одной стороны, она "уведомит" органы власти о своем существовании (с тем, чтобы через 15 лет иметь возможность получения регистрации в качестве религиозной организации), и одновременно она создаст "организацию прикрытия" и быстро проведет процедуру ее регистрации под видом общественного объединения. У большинства сект эта технология уже отработана: множество "организаций прикрытия" есть у мунитов, у сайентологов, у "богородичного центра". И эти "дочерние фирмы" будут пользоваться всеми правами юридического лица.

В результате человеку станет лишь еще сложнее ориентироваться в религиозной жизни. Он будет вовлекаться в религиозную деятельность, даже не зная, что ему предлагают не просто "духовную науку", а именно религию.

Вместо того чтобы вытащить как можно больше религиозных движений в сферу регулирования законом о свободе совести, данный законопроект скорее лишает государство возможности контроля над деятельностью сект, нежели предоставляет их ему.

Единственная норма законопроекта, которая действительно может помочь в борьбе с сектами, — это ст. 14,2. В ней среди оснований для запрета на деятельность религиозной организации называется "склонение к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии". Эта норма может осложнить жизнь "свидетелей Иеговы", запрещающих своим последователям совер-

шать переливание крови, сдавать донорскую кровь, а также сдавать кровь на медицинские анализы.

О мере подверженности правозащитников лоббированию со стороны сект можно будет судить по тому, останется ли в окончательном тексте закона именно этот пункт или нет.

Но в целом, вновь подчеркну, закон не остановит деятельности большинства сект; его антисектантский потенциал преувеличивается и защитниками, и критиками закона. Но до сих пор закон открыт для изменений.

Законопроект не лишен недостатков. На них стоит указать даже в том случае, если они не будут исправлены, затем, чтобы при следующем возвращении общественной мысли и парламента к вопросам религиозного законодательства (скажем, после очередных скандалов с очередными Аум Синрикэ) эти пожелания могли бы быть учтены.

Весьма странной кажется ст. 1,5: "Никто не обязан сообщать о своем отношении к религии".

Во-первых, религиозные организации вправе спрашивать от своих членов об их вере и об их отношении к иным религиям ("Како веруеши?.. Не волхвовал ли?") Если я принимаю вступительный экзамен в Православный университет — я обязан спросить абитуриента о его отношении к Православию, а он обязан мне ответить.

Во-вторых, при требовании призывником альтернативной службы он обязан сообщить о мировоззренческих основаниях своей просьбы, а призывная комиссия обязана его об этом спросить.

В-третьих, если учительница в школе начала на своих уроках излагать доктрину той или иной религии или секты, естественно спросить ее — какое она имеет личное отношение к возвещаемой ею доктрине. В случае, если государственный служащий нарушает светский характер деятельности госучреждения, в котором работает, он обязан при разбирательстве ответить на вопрос — с какой религиозной организацией он связан. Полагаю, что эту фразу из ст. 1,4 следует убрать. А вот что должно быть указано в законе — так это положение о том, что "в государственных документах и анкетах не допускается указание на отношение к религии".

Здесь же в фразе "запрещается обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей" должно быть добавлено: "и атеизму". Так надо защитить права детей от проповедников "научного атеизма".

Чрезвычайно опасная формулировка появилась в ряде статей: "нарушение религиозной организацией общественной безопасности и порядка, подрыв безопасности государства... разжигание религиозной розни (ст. 14,1), пропаганда религиозного превосходства (ст. 3,6)". Эти статьи могут стать юридическим основанием для гонения даже на Православную Церковь. По сути законопроект разрешает привлекать к ответственности любого священника, произнесшего проповедь в Неделю Торжества Православия. На основании запрета на "пропаганду религиозного превосходства" можно конфисковывать даже Евангелие ("Все, кто ни приходили прежде Меня, суть воры и разбойники" (Ин. X, 8)). Надо или исключить из закона запрет на "пропаганду религиозного превосходства", или требовать четкого определения, что именно будет рассматриваться в качестве такового, а также в качестве "разжигания религиозной розни". Лучше же всего — включить прямую норму, разрешающую межрелигиозную полемику и апологетику. Например: "Граждане и религиозные организации имеют право защищать, обосновывать и распространять свои убеждения, в том числе через сравнение их с другими мировоззренческими позициями и через их критику". Иначе первые же суды пройдут над православными антисектантскими полемистами. Практика показывает; что Русская Православная Церковь никогда не обращалась в суд по поводу оскорбления достоинства Православной Церкви и ее иерархов. Секты же постоянно инициируют судебные процессы, терроризирующие и журналистов, и всех выступающих с разоблачениями сектантских теорий и практик.

Ст. 3,5 находится в некотором противоречии со ст. 4,2. Сначала закон говорит, что "запрещается обучение малолетних вопреки их воле", а затем — что "государство не вмешивается в воспитание детей родителями". Любое воспитание имеет в себе толику принуждения — и светское, и религиозное. Почему понуждение к занятиям спортом не преследуется по закону, а понуждение ребенка к молитве должно преследоваться? Почему шлепок, который наносится отеческой дланью за двойку по математике (несомненное "понуждение к учебе") не наказывается, а тот же жест, подталкивающий к храму, влечет "привлечение к ответственности"?! Это восстановление печальной памяти советской практики лишения родительских прав по заявлению соседей, которые однажды увидели, как верующие родители "понуждают" своего заспанного отрока идти на молитву.

При определении светскости государства авторы законопроекта, пожалуй, слишком увлеклись — настолько, что в ст. 4,4 включили положение: "Должностные лица органов государственной власти, других государственных органов и органов местного самоуправления, а также военнослужащие не используют свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии". Значит — Министерство образования не вправе рекомендовать пересмотреть учебные программы в сторону более уважительного отношения к Православию и более полного знакомства с ним? Все что угодно можно истолковать как "формирование отношения к религии". Появился Президент на патриаршем богослужении, сказал добрые слова о миссии Церкви — и вот уже повод для импичмента? В законе уже достаточно формул, описывающих светский характер государства, — зачем же вносить в него формулировки столь двусмысленные!

Излишняя светскость требуется и ст. 6,3: "Создание религиозных объединений в государственных и муниципальных организациях не допускается". В таком случае будет невозможно создавать больничные церкви; под вопросом окажется существование университетской Татьянинской церкви. Надо в этой позиции ограничиться просто упоминанием о "государственных органах и органах местного самоуправления". В органах власти не должно быть религиозных организаций. Но в тех государственных учреждениях, которые связаны с повседневной жизнью людей, религиозная деятельность может присутствовать.

К числу положительных сторон законопроекта можно отнести то, что в нем впервые появляется более детальное регламентирование отделения школы от церкви. "По просьбе родителей, с согласия детей, администрация образовательных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления вправе предоставить обучающимся возможность для реализации их права на получение религиозного образования вне рамок образовательной программы", — гласит ст. 5,4.

По сегодняшней практике достаточно устной договоренности директора школы и религиозной общины, чтобы ввести религиозные уроки и собрания в школе.

И все же желательна была бы более подробная формулировка. Например, такая:

"А. В государственных и муниципальных учебных учреждениях, на их территории, в их общежитиях и культурных центрах не допускаются публичные религи-

озные обряды и церемонии (за исключением тех случаев, когда действующее культовое сооружение входит в комплекс зданий образовательного учреждения).

Б. В государственных и муниципальных учебных заведениях могут преподаваться основы религиозных учений. Преподавание не должно сопровождаться религиозными церемониями, молитвами и религиозными медитациями и должно осуществляться по согласию учащихся (для несовершеннолетних — по просьбе родителей или лиц, их заменяющих), оно может вестись только по согласию администрации этих учреждений, по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления и с утверждением программы соответствующего учебного курса местным (муниципальным) органом управления образованием.

В. Религиозное обучение в государственных и муниципальных учебных учреждениях может вестись только представителями зарегистрированных религиозных организаций, только при наличии письменного подтверждения преподавателю от религиозного объединения, которое он представляет, и только во внеучебное время.

Г. Религиозное обучение в государственных и муниципальных учебных учреждениях может быть внесено в сетку занятий как факультатив по просьбе более половины родителей учеников.

Д. Религиозное обучение в государственных и муниципальных учебных учреждениях может отдельно вестись представителями нескольких религиозных организаций.

Е. Курсы, излагающие историю религий и их мировоззренческие основы в историко-философском и в историко-культурном контексте, могут быть включены в учебные планы государственных и муниципальных учебных учреждений и после утверждения программ в соответствующем местном (муниципальном) органе управления образованием, могут вестись как преподавателями самих учебных учреждений, так и квалифицированными представителями религиозных организаций".

Итак, вряд ли стоит настаивать на том, чтобы все в законодательстве о свободе совести осталось так, как есть сейчас. Вопрос в другом — будут ли те изменения, которые мы увидим в нем осенью, направлены на выхолащивание из него того, что есть в нем доброго, соответствующего интересам России. Я бы рекомендовал пойти навстречу пожеланиям папы Римского и ввести в законопроект термин "традиционные религии".

Пока же те предложения по изменению закона, что слышнее всего, направлены на его ухудшение и при этом нередко демонстрируют, что именно у "защитников прав" очень слабые навыки правового мышления.

Оцените ход мысли: "По новому закону религиозным объединениям запрещается обучать основам своей религии кого-либо кроме своих последователей, то есть фактически вводится запрет на проповедь и миссионерскую деятельность" (Литературная газета, 23.07.97). Основанием для такого су-

ждения послужила ст. 5,3: "Религиозные объединения вправе непосредственно обучать своих последователей религии". Здесь есть разрешение и нет никакого "запрета". Ни слова, ни намек о запрете на миссионерство в законе нет. Нигде не сказано, что религиозные объединения не имеют права обращаться со своей проповедью к людям, не являющимся их последователями.

Неужели демжурналисты забыли свой любимый принцип — "что не запрещено законом, то разрешено"? Вряд ли. Здесь партийность явно перевесила честность.

Не стоит также забывать, что ограничительное толкование этой нормы законопроекта невозможно и потому, что Конституция в ст. 28 признает: "каждому гарантируется право свободно распространять религиозные убеждения". Норма закона не может трактоваться так, чтобы она вступала в противоречие с конституционной нормой. Это значит, что даже без всякой коррекции миссионерская деятельность признается законопроектом и разрешенной, и законной.

Критики закона стараются найти противоречия там, где на самом деле предполагаются отношения взаимодополнения. То, что религиозные объединения имеют право обучать своих последователей, не означает ни запрета на то, чтобы религиозные воззрения распространялись частными лицами, ни запрета на то, чтобы член одной религиозной группы мог бы обратиться со своей проповедью к людям, входящим в другую религиозную группу или вообще не имеющим отношения к религии. Если бы закон можно было понимать иначе — я ни минуты не стал бы защищать законопроект, который делает антизаконной всю мою жизнь. Я-то последние шесть лет преимущественно занимаюсь тем, что обращаюсь с проповедью Православия к атеистам и к сектантам, но, по правде говоря, за всю свою жизнь я провел только один урок в воскресной приходской школе...

Еще один пример того, как противоречия высасываются из пальца. В президентском послании Думе утверждается, что "ст. 4,3 обязывает государство оказывать финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных учреждениях, созданных религиозными организациями".

Во-первых, Президент слишком жестко читает закон: в законе нет слова "обязывает".

Во-вторых, речь идет именно об общеобразовательных дисциплинах, Государство должно заботиться о том, чтобы ребенок, отданный родителями в религиозную школу, знал бы общеобразовательные предметы не хуже своих сверстников из светских школ. Религиозные школы бедны. И, насколько я знаю, они постоянно сталкиваются с искушением сэкономить на преподавании светских предметов.

Чтобы этого не происходило, чтобы не сужался кругозор школьников из верующих семей — для этого в законе появилась статья о том, что государство может помочь и тем детям, что учатся в религиозных школах.

В-третьих, Президент не полностью процитировал эту статью: она кончается упоминанием о том, что помощь может оказываться только школам, "созданным в соответствии с законодательством об образовании". Тем не менее, президентское послание утверждает, что ст. 4,3 "противоречит закону "Об образовании", согласно которому негосударственные общеобразовательные учреждения получают право на государственное финансирование с момента их государственной аккредитации в случае реализации ими основных общеобразовательных программ".

Так где же здесь противоречие? Закон о свободе совести говорит, что религиозная школа может получить помощь только в том случае, если она соответствует закону об образовании, а Президент утверждает, что закон о свободе совести противоречит закону об образовании. Остается лишь гадать — ради чего г-н Розенбаум и иные юрисконсульты Президента выставили первое лицо российского государства в качестве очень раздраженного, невнимательного и просто юридически безграмотного читателя законопроекта...

Наконец, совсем странно звучит утверждение о том, что противоречит Конституции преамбула закона. В ней говорится о том, что Дума принимает этот закон, "уважая Православие как неотъемлемую часть общероссийского исторического, духовного и культурного наследия, равно как и многомиллионный ислам, а также буддизм, иудаизм и другие традиционно существующие в Российской Федерации религии". Преамбула к закону не имеет силы закона. Это не правовая норма, а никого и ни к чему не обязывающая декларация об отношении законодателей к религиозным убеждениям своих избирателей.

Сам закон никаких преимуществ и льгот для упомянутых в преамбуле конфессий не предоставляет. Это не более чем жест. И как жест он в общем-то не нужен Православной Церкви. По всем социологическим опросам на-

род относится к Церкви с гораздо большим уважением и доверием, чем к Думе или к Президенту. Поэтому от жестов уважения надо переходить к реальному сотрудничеству. Скорее даже досадно, что эта преамбула звучала во втором чтении так, что как-будто ставила Православие выше ислама и тем самым вызвала напряжение в наших отношениях с мусульманами, которые сочли себя обиженными.

Но все же государство имеет право высказывать свое уважение к тем, кому посчитает нужным это сделать. Если государство выскажет свое уважение к творческому наследию Ф.М.Достоевского — это не повод для возмущения почитателей Л.Н.Толстого (и это при том, что по замечанию Николая Бердяева, которое мне кажется весьма проницательным, все люди делятся на три группы: те, кто любят Достоевского; те, кто любят Толстого; и те, кто никого не любят).

Православная Церковь действительно самая уважаемая институция общества. Что же странного в том, что депутаты, избранные народом, высказали свое уважение к тому, что уважают их избиратели?

Не странно и то, что люди, откровенно оппозиционные по отношению к Православию, нападают на эту преамбулу (как это делает, например, баптист А.Пчелинцев, уверяя, что "в нарушение конституционного равенства всех религиозных объединений перед законом в преамбуле закона дается перечень "уважаемых" государством конфессий").

Странно то, что Президент России требует убрать из преамбулы к закону этот жест уважения. Я полагаю, что для Президента — конфессии, представляющие огромное большинство российских граждан, должны быть уважаемыми независимо от его личного отношения к религии.

Говорит же Борис Николаевич своим собеседникам: "многоуважаемый Иван Иванович" или "глубокоуважаемый Анатолий Борисович!" И хотя мы с Анатолием Борисовичем равны перед законом, но я не обижаюсь на то, что Президент его называет "глубокоуважаемым", а меня не называет никак. Может быть, когда мы познакомимся — тогда и ко мне Президент будет испытывать уважение.

Так же можно вести себя и с новыми религиозными движениями. Вот познакомимся с вами, присмотримся, и если вы действительно несете добро людям и стране, — и к вам будут обращаться как к уважаемым.

Кроме того, нельзя не поразиться тому, что противники законопроекта грозят религиозным расколом в обществе, если закон вступит в силу. Более

того — оказывается, закон несет собой "реальную угрозу внутренней религиозной войны" (Известия, 16.07.1997). Письмо В. Борщева, С. Ковалева и других профессиональных диссидентов кликушествует: "Закон фактически разжигает войну между традиционными и подвергнутыми дискриминации нетрадиционными конфессиями" (Литературная газета, 23.07.97).

Так если эти нетрадиционные конфессии столь воинственны, что из-за кажущейся дискриминации могут развязать войну, то, может, тем более стоит оберечь Россию от таких гостей?

Странно, что по мнению "правозащитников" оскорбить миллионы православных и миллионы мусульман (а игнорирование обращения Патриарха и мусульманских лидеров есть именно неуважительный жест) не значит вызывать напряженность в обществе. А намек на ограничение прав небольших сект сразу превращается ими в апокалипсический кошмар. Все же, демократия — это исполнение воли большинства или воли сект?

Забота о правах меньшинств нужна. Но только тогда, когда государство, для начала, научится уважать большинство и его интересы.

Не считая закон совершенным, Церковь считает нужным его поддерживать. Мы ценим не столько сам текст этого законопроекта, сколько его тенденцию: сделать шаг к защите людей от сект. Защита, предлагаемая законопроектом, очень слаба. Но важно преодолеть "демократический" синдром озабоченности только "правами меньшинств" и, наконец, начать думать о правах большинства и о защите этого большинства от некоторых меньшинств, о праве большинства присматриваться ко вновь возникающим меньшинствам и требовать, чтобы они не были агрессивны и разрушительны по отношению к традиционному сообществу

При всех несовершенствах законопроекта его все же стоит поддерживать, потому что в ходе дискуссий вокруг него речь по сути зашла о том — имеет ли право Россия проводить политику поддержки своих духовных традиций. Есть ли у России право оставаться Россией или она обязана превратиться в "Соединенные штаты Евразии"? Любая европейская страна имеет право проводить протекционистскую политику в области религии, поддерживая свои традиционные Церкви. Но за Россией такое право не признается.

Именно попытка здравого протекционизма и стала причиной ожесточенной критики закона о свободе совести в западных и западничающих органах масс-медиа и политических кругах. Вопрос не о процедуре регистрации

религиозных организаций. Вопрос о том, имеет ли право Россия иметь не-колониальное законодательство.

Главное и самое дорогое новшество в законопроекте это то, что в его основных статьях присутствует формула "граждане Российской Федерации". Конституция, не столько принятая народом, сколько ему навязанная в 1993 г., предпочитает формулировку "каждый". Ст. 28 Конституции гарантирует каждому право действовать совместно с другими соответственно со своими убеждениями. Ст. 35 говорит о том, что каждый вправе владеть и пользоваться имуществом. Ст. 30 гарантирует каждому право на создание объединений с другими лицами. Таким образом, граждане России, лица без гражданства и иностранные граждане оказываются уравниены в возможностях создавать любые объединения, в том числе религиозные, владеть землей, зданиями, храмами и т. д.

Уравнивание в правах местных граждан и иностранных — это характерный признак именно колониального законодательства. Правовое, хозяйственное, культурное пространство колонии должно быть всецело прозрачно для граждан метрополии и для ее интересов. Именно в качестве колонии "цивилизованного Запада" рассматривается Россия слишком многими людьми. Попытка создать, хотя бы отчасти, не-колониальное законодательство, естественно, вызвала гнев в мировых столицах — от Ватикана до Вашингтона.

Законопроект 1997 г. за "каждым" признает право на свободу убеждений, на выбор веры, на получение религиозного образования. Но сферу публично-правовых отношений он определяет только для граждан России.

То, что в законе не описан механизм создания религиозной организации иностранными гражданами, не означает, что им запрещено это делать. Это означает лишь, что права иностранцев в России, в том числе и их религиозные права, должны регулироваться специальным законом, а не тем, который призван оформить права граждан России.

В законе нет запретов на участие иностранцев в религиозной жизни России. Предположим, что Дума принимает закон о пенсионном обеспечении ветеранов войны. Означает ли это, что невоевавшие пенсионеры оказываются вне закона? Можно ли отклонять лесной кодекс на том основании, что он ничего не говорит о защите ценных пород океанских рыб? Также и здесь — не надо запрещать закон на том основании, что он не регулирует ту сферу жизни, которую он и не собирался регулировать. Было бы смешно налагать вето на закон о свободе совести на том основании, что он ничего не

говорит о правилах пользования недрами. Надо просто подождать, пока будет принят соответствующий акт о статусе иностранцев.

Конституция провозглашает фундаментальные принципы и предполагает, что каждая ее деталь будет подробно раскрыта федеральными законами. Конституция признает право на проповедь за "каждым". Закон пока регламентировал только осуществление этого права гражданами России. Подождем, пока появится особый закон, говорящий о правах иностранцев. Полагаю, что эти права не должны быть равны правам граждан России и правам традиционных российских конфессий. Но пока нет никаких оснований говорить, будто законопроектом вводится "запрет на создание религиозных организаций иностранных граждан" (В. Борщев).

Увы, в президентском послании парламенту из восьми страниц три посвящены якобы ущемляемым правам иностранцев. Чьи права отстаивает Президент России? Своих граждан или иностранцев и "лиц без гражданства"? Мне горько, что для Президента России мнение папы Римского оказалось важнее мнения Патриарха Московского. Мнение религиозных меньшинств для него оказалось важнее мнения религиозного большинства. Мнение американского конгресса для него оказалось важнее мнения российского парламента. Мнение Евросовета для него оказалось важнее мнения собственного правительства (именно правительство представляло этот законопроект в Думе). Письмо "друга Билла" оказалось для него важнее трагедий тысяч российских семей.

"Несгибаемый" Борис Николаевич оказывается невероятно стоек лишь тогда, когда речь идет о давлении на него самих россиян. Но не было ни одного случая, чтобы он хоть в чем-то не уступил давлению своих западных "друзей". Похоже, что в мировой табели о рангах пост, публично называемый "Президент Российской Федерации", тайно уже давно именуется как "наместник колонии Российская Федерация".

Но самое печальное в том, что наложение Президентом вето на законопроект может убавить стабильности в стране. Дело в том, что, согласно опросам общественного мнения, в течение уже многих лет только два общественных института пользуются стабильным доверием россиян: армия и Православная Церковь. Число людей, испытывающих к ним доверие, стабильно превышает 50 процентов и весьма значительно превосходит уровень доверия к Президенту, правительству или к Думе. Тем не менее в течение июля Президент совершил жесты, которые вносят напряженность в его отношения как с армией, так и с Церковью.

Перспектива увольнения 500 000 человек вряд ли прибавила симпатий к Президенту в глазах офицеров. И беспрецедентно жесткий тон обращения генерала Рохлина — это очень тревожный знак.

А вето на законопроект о свободе совести обновляет негативное отношение к Президенту у тех православных, у которых оно уже было, и политизирует тех, кто прежде не считал нужным как-то ориентироваться в политике. Вопросы приватизации мало интересуют религиозных людей, но здесь оказались затронуты и авторитет Патриарха, и престиж самой Церкви. Президент в глазах общества предстал как покровитель сект.

Наконец, для меня был удивителен не то что жесткий, а просто неуважительный тон обращения Президента к парламенту. Органу, который разрабатывает и принимает законы, Президент пишет о том, что "система российского законодательства серьезно расшатана непродуманным и хаотичным законотворчеством". Для года, который сам Президент объявил годом примирения и согласия, это вряд ли подходящая интонация при разговоре с парламентом. Кроме того, во всем восьмистраничном президентском послании нет ни одного позитивного предложения, не предложено ни одной формулировки взамен отвергаемых. Только "противоречит" и "убрать". Значит, на отношения парламента и Президента легла еще одна тень. Осенью Дума вернется к обсуждению закона и, скорее всего, наберет достаточно голосов, чтобы преодолеть президентское вето. Какова тогда будет реакция Президента?

Церковь не желает никаких потрясений. И поэтому меня беспокоит поступок Президента, который нельзя назвать ни юридически продуманным, ни политически взвешенным.

Главное же, что в ходе дискуссии выяснилось такое расхождение мнений, что стало понятно: спор зашел не о правах сект, а о праве России не быть колонией. Церковь, конечно, выступает за самодержавную Россию. Самодержавную не в смысле "монархическую", а в смысле самоуправляющуюся (слово самодержавие — калька с греческого слова автократия — вообще никогда не означало ничего другого). Этим летом самодержавные орлы вернулись на башни Исторического музея на Красной площади. Но над Кремлем и президентским дворцом еще царят звезды. Я бы хотел, чтобы в Кремле жил самодержец, а не наместник.

P. S. Личное местоимение первого лица в последней фразе означает, что все те места в статье, которые можно счесть политическими, являются

выражением только моего личного восприятия сложившейся ситуации, а не официальным мнением Московской Патриархии.

P.P.S. 9 июня этого года Национальное собрание Армении приняло закон "О свободе совести и религиозных организациях". В законе традиционной религией именуется Армянская Апостольская Церковь, что, в частности, означает, что "официальное освещение вероисповедания Армянской Апостольской Церкви через средства массовой информации или во время массовых мероприятий может осуществляться только с одобрения Армянской Апостольской Церкви". Преподавание религии в государственных школах разрешается только на основании вероисповедания Армянской Церкви и осуществляется оно только учителями, подготовленными самой Церковью.

Интересно, почему депутат Старовойтова, столь активно выступающая против российского закона, не возмущается принятием гораздо более жесткого закона в любимой ею Армении?

Еще несколько лет назад, когда в Армении впервые был принят закон, ограничивающий деятельность иностранных миссионеров и предоставляющий преимущество национальной церкви, я спросил одного армянского парламентария, как удалось убедить все ветви власти согласиться с таким законом, о котором православная Россия не может даже мечтать. Он ответил кратко: "Просто мы, армяне, слишком маленький народ, чтобы позволять себя разделять еще и по религиозному признаку". Что ж, нас, русских, кажется, еще слишком много...

Если бы директором был я

Я попробую представить себя в роли если не министра образования, то, скажем, директора городского департамента (или хотя бы директора школы).

Заступая на этот пост, я задумываюсь — какой должна быть моя образовательная политика. Налогоплательщики мне платят деньги за то, чтобы их дети росли их детьми и внуками (а не копиями заграничных дяденек). Система образования существует для того, чтобы история моей страны продолжалась в будущем исходя из ее собственных традиций. Я (как предполагаемый директор департамента) сам совершенно равнодушен к религиозным проблемам. Но я вижу, что без знания основы религии многое останется непонятым в человеческой культуре и много остается пустоты в детских душах. Я не собираюсь вводить Закон Божий и не собираюсь государственные школы превращать в церковные. Но, вероятно, каким-то образом сотрудничать с религиями я должен.

Итак, я принял решение о сотрудничестве. Но с кем? В России действуют сотни религиозных организаций. Какую мне выбрать в партнеры? Их религиозные разногласия меня не интересуют. Но вот неравенство культурного багажа конфессий совершенно очевидно.

В действительности лишь две конфессии создали великие культурные традиции — и глубоко народные, и в то же время мировые, вошедшие и в быт народов, и в величайшие произведения искусства. Это — католичество и Православие. Завязать сотрудничество с религиями Востока? — Но при чем они здесь? Россия — европейская страна, и ее будущее связано с интеграцией в Европу. А сказки насчет "евразийства" оставьте для журналистов. Если захотите меня переубедить — приведите мне хоть одну идею, вдохновлявшую русскую культуру, которая пришла бы к нам не из средиземноморской культуры (а Средиземноморье — это несомненный запад Евразии). Средиземноморская культура дала миру ислам (да, в России его надо знать и изучать, но это особый разговор) и христианство. Ее историю, а не судьбы конфуцианства, в первую очередь должен знать российский школьник, если он не хочет заблудиться в отечественной культуре.

Протестантизм? Да, немецкие лютеране с уважением относятся к культуре, связанной с русским христианством (то есть с Православием). Так они и не посылают своих миссионеров в Россию. А протестантские пропо-

ведники, тысячами приезжающие к нам из Америки, по отношению к русской христианской традиции занимают однозначно нигилистическую позицию.

Чем русское христианство обогатило мировую культуру? — Иконой, монастырским пением, русскими храмами, феноменом оптинских старцев, Достоевским... А что из этого готовы оценить протестанты? Для них важна лишь Библия, существовавшая за тысячу лет до России... И если протестанты хотят сузить горизонт христианской жизни лишь до библейских книг — значит, вся позднейшая тысячелетняя культура России (как, впрочем, и почти вся культура Европы) выносятся ими за скобки... Икона для них идол. Монастырь, святые, старцы — это все языческие рецидивы, заслоняющие единственность и уникальность Иисуса. Достоевский, как и все русские люди после князя Владимира, вообще христианином считаться не может, потому что не был крещен (крещение в детстве у протестантов не считается)...

Богословские споры православных и протестантов меня, как директора светской школы, не волнуют. Но с точки зрения культурной насыщенности программ — зачем же мне отдавать детей людям, которые научат их хаять родную культуру? "Мы, русские, — пишет современный проповедник баптизма П.И.Рогозин в своей столь же невежественной, сколь и агрессивной книге, — принявшие христианство спустя девять веков после его основания, унаследовали его от Греции уже тогда, когда христианство было сильно засорено, испытало на себе влияние различных государственных систем и пропиталось Византийским язычеством. Приняв христианство не из первоисточника, а как бы из вторых рук, мы приобщились ко всем его "готовым" вековым наслоениям и заблуждениям"¹.

Директор школы должен все же представлять себе, что открывая дверь в класс перед протестантом, он доверяет детей человеку, который гарантированно научит их не любить Православие, историю и культуру России. А вот научит ли он их любви к людям и ко Христу — гарантировать никто не может.

Во всяком случае, я сомневаюсь в успешности методики, предлагаемой баптистским "Методическим вестником для учителей воскресных школ": «Когда дети играют с кубиками, воодушевляйте их, и скажите так: "Молодец, Петя! Ты хороший помощник. Библия говорит, что у Христа были хорошие помощники". Когда дети помогают друг другу, поощряйте их.

---

¹Рогозин П. И. Откуда все это появилось? Ростов-на-Дону, 1993. С. 64.

Откройте Библию и скажите: "Петя и Андрюша складывают кубики вместе. Библия говорит, что мы работаем вместе"»²

Для более старшего возраста в сокровищнице баптистской педагогики припасена такая поэзия:

"Мы, проснувшись утром ранним,
На колени наши встанем,
Перед школой на дорогу
Вознесем молитву к Богу,
Чтобы Он нас вдохновлял
И во всем благословлял,
Чтобы лучше нам учиться —
Будем мы Ему молиться.
Люди все тогда повсюду
Удивляться будут чуду.
Станем мы примерными,
Добрыми и верными.
В школе нас попросят дети
Рассказать им о секрете.
Мы расскажем всем вокруг,
Что Иисус наш лучший Друг!"³

Такой вот "спиричуэлс". Надо ли портить подобной "поэзией" эстетический вкус детей?

И сколько бы ветвей в христианстве ни выделяли богословы, с точки зрения культуры их собственно две: Православие и католичество. С которой из них сотрудничать? При всем моем уважении к Микеланджело и Данте приходится констатировать: в обычном российском городе для моих школ я не найду достаточно образованных и корректных представителей Католической церкви. Значит надо попробовать сотрудничать с православными...

Закон не обязывает меня сотрудничать со всеми сразу. Нередко сектантские проповедники просто шантажируют директоров школ: "Вы обязаны нам дать возможность для проповеди". Ничего подобного — ни один директор школы ни одной из конфессий ничем не обязан. Закон лишь разрешает сотрудничать и указывает некоторые пределы такого сотрудничества.

---

²Методический вестник для учителей воскресных школ. Приложение к альманаху "Богомыслие". Издание Одесской библейской школы. [Союз ЕХБ]. Вып. 4. Одесса, 1991. С. 42.

³Андрей Лукашин. Краткие размышления на 11 главу книги Иова. Стихотворения. М., 1992.

Итак, основываясь на позволении закона, я (как все тот же гипотетический руководитель образовательного учреждения) выбираю себе партнера. Я хотел бы, чтобы дети знали все языки. Но, увы, время обучения да и силы детей ограничены. Поэтому в каждой конкретной школе преподается лишь один иностранный язык. Я хотел бы, чтобы дети одинаково хорошо и глубоко знали историю всех народов, что невозможно, поскольку история России в школах преподается полнее, чем история Англии (это не означает, что история России чем-то глубже или назидательнее — просто школа-то русская...) Я хотел бы, чтобы дети знали всю мировую классику. Но в реальности русскоязычную литературу школьники изучают несравненно подробнее, чем не менее великую литературу Германии.

Я хотел бы, чтобы дети знали все религии мира. Но в тоже время я понимаю, что если они не узнают о мифах племени мумбу-юмбу, — это останется всего лишь частичным пробелом в их образовании и не помешает им стать обладателями культурного наследия своей страны, т.е. России. А вот если они не будут ничего знать о Православии — слишком уж досадно будет, что и это поколение с видом иностранцев будет ходить по древним монастырям... Итак, я буду сотрудничать с Православием. Первые опыты контакта с церковными людьми показали мне как руководителю департамента, что не каждый из них Златоуст. И даже самые умные и образованные из них зачастую не владеют, к сожалению, педагогической школьной методикой. Священник, прекрасно говорящий проповеди, может растеряться в классе. Богослов, покоряющий глубиной и логикой своей мысли семинаристов, не может перестроиться для общения со светски воспитанными детьми. То есть просто так взять из церковной среды некий готовый культурно-методический материал и перенести его в школу — невозможно. Мир культуры до сих пор у нас поделен на две части: носители церковной традиции знают многое из того, что светским людям неизвестно. Зато светские специалисты, владеющие добротной методикой преподавания, понимают, как лучше донести то или иное знание, чувство до учителей, а затем и до детей.

Что ж — давайте создадим совместный методический центр. Люди Церкви принесут свои познания в области истории Церкви, богословия. Библии, даже просто русской культуры (многое в которой они видят глубже, чем светские педагоги), а учителя дадут свой методический опыт. Бог даст, через несколько лет будут созданы новые учебные программы, методички, учебники, хрестоматии.

Пока же в школах вводится курс истории религии. Школы вводят его сами, на свой страх и риск. А риск действительно большой — так как подго-

товленных специалистов вообще нет. В лучшем случае это оказывается пересказом когда-то слышанного курса "научного атеизма". В худшем — слегка замаскированным пересказом доктрины секты, недавно полюбившейся учительнице. Значит, первое необходимое условие — лицензирование преподавателей. Поскольку бывшим преподавателям научного атеизма вряд ли можно вновь доверять оценку историко-религиозных знаний, лучше создать комиссию из представителей конфессий, традиционных для данного края, которые оценили бы корректность представлений соискательницы о каждой из этих конфессий, где она получила историко-религиозное или богословское образование? Или она лишь стряхнула пыль со своих институтских записей лекций по научному атеизму? Или просто начала репродуцировать догматику недавно приглянувшейся ей секты?

Оценке должны подлежать не только имеющиеся в наличии знания предполагаемой учительницы "истории религии", но и сама программа, по которой она будет работать с детьми. Слишком часто сегодня под видом "истории религии" (или "народоведения") преподносится обычный оккультизм.

В качестве примера могу привести курс лекций "Из истории религиозных верований", предложенный в московский образовательный центр "Планетариум" преподавателями Ф.С.Капицей и Т.М.Колядич. Их проспект заявляет, что школам будут предложены "десять лекций, отражающих основные этапы развития религиозных верований человеческого общества". Однако именно историко-эволюционный подход и не проглядывается в плане лекций. Восьмая лекция посвящена "мировым религиям" (буддизм, христианство, ислам). А вслед за этими наиболее развитыми формами религии идут "ведовство, магия и оккультизм" (девятая лекция) и, уж нечто совсем непонятное, "современные формы религии".

Судя по тому, что авторы ставят магию и оккультизм выше буддизма и христианства, под "современными формами религии" они подразумевают какие-нибудь формы оккультной теософии (Блаватская, Штейнер, Рерих, возможно, и другие секты типа "федоровцев" или "порфирьевцев"). Авторы называют свой подход "внебогословским". Однако это вряд ли комплимент. "Внебогословский подход" к изучению религии столь же оригинален, как немusикальный подход к исследованию музыки. Очевидно, авторы собираются говорить об истории религий даже не с позиций атеистического религиоведения. Их позиция несомненно тенденциозна. Из 10 лекций 9 посвящены различным формам магии и язычества и лишь одна — мировым религиям. Примечательно, что слово "Православие" отсутствует как таковое в программе лекций по истории религии, предлагаемой для детей такой страны как

Россия, вся культура которой связана не с шаманизмом, а именно с Православием.

В ряде этнографических курсов под видом знакомства с христианскими преданиями опять же предлагают элементарный магизм. О Прощеном воскресеньи говорится как о "заклинании весны", а о Крещении — как о времени гаданий. Православная Церковь всегда негативно относилась к совмещению языческой практики с евангельской верой у своих прихожан. Сегодня же это болезненное "двоеверие" слишком часто подается именно как норма русской религиозной жизни. И в прежние времена бабушка рассказывала внуку о народных приметах, тогда как в храме он все же слышал и само Евангелие. Сегодняшние дети Евангелия уже не слышат, а потому и совсем уж не смогут отличить, где истинное христианство, а где — подделка под него. Чтобы свобода религиозного выбора детей была сохранена — надо называть все вещи своими именами. Христианство надо называть христианством, язычество — язычеством.

И, как директор, я постараюсь оградить детей от суррогатов — то есть от таких представлений о религии, которые подменяют действительное изучение ее истории подспудной интеграцией детей в лоно какой-либо оккультной секты. В частности, я постараюсь не допустить, чтобы в моей школе (или школах) преподавали доктрины Муна или Штейнера.

Но если все же в мою школу придет человек и предложит квалифицированно и интересно рассказать о Православии?

Во-первых, я от него потребую рекомендации от органов церковного управления. Случаев, когда под видом православных приходили шарлатаны, уже более чем достаточно. (В переходах московского метро стоят десятки ряженых, выдающих себя за монахов, якобы посланных на сбор пожертвований для своих монастырей.) Значит, у потенциального преподавателя я ожидаю увидеть два документа: диплом о его богословских знаниях и рекомендацию от епископа или отдела религиозного образования епархии.

После этого нового преподавателя надо представить педагогическому коллективу школы и записать официальное решение педсовета о введении такого-то предмета в таких-то классах на таких-то началах. Далее необходимо на родительском собрании известить о нашем желании родителей.

Пока суд да дело, мой завуч (бывший секретарь парткома, а ныне активистка "ДемРоссии") начинает мне объяснять, что школа у нас многонациональная, что конфессий в России сотни, а потому я не имею никакого

права разрешить детям общаться с православным проповедником. Кстати, когда на прошлой неделе к нам прорывались протестанты, она почему-то молчала насчет "многонациональности"...

Что мне ответить? Придется терпеливо разъяснять, что демократия действительно предполагает уважение к правам меньшинств, но она не требует, чтобы меньшинство подчиняло своим интересам большинство. Наличие в классе одного или двух татарских ребятишек не должно лишать двадцать русских детей права на знание своей духовной традиции.

Навязывать изучение веры не надо. Разумно, если школа на родительском собрании предложит родителям определить, в какой традиции они хотели бы воспитывать своего ребенка. Затем от родителей были бы собраны соответствующие заявления — и на их основании составлены национальные или вероучительные группы. Многонациональность российских школ создает лишь кажущуюся сложность. Да, если в школе лишь два процента учащихся желают изучать некую религию — школа вряд ли сможет и должна им помочь. Но если тридцать процентов или восемьдесят хотят видеть в школе православного священника — демократично ли запретить эти встречи? Разумно было бы установить некую процентную планку (как на парламентских выборах: партия, набравшая менее, скажем, пяти процентов голосов, теряет свое представительство в парламенте). Если есть десять процентов желающих изучать ту или иную религию — школа должна помочь в формировании соответствующей группы.

Итак, педсовет прошел, родительское собрание прошло, собралась группа ребят, желающая помимо основной программы изучать еще и основы Православия. Занятия начались, и через месяц стало ясно, что слово "факультатив" понимается нами слишком по-разному. Ученики (и завуч) думают, что "факультатив" — это когда на каждое занятие ходят или нет по желанию. Но эта форма работы пришла из университета, где под словом "факультатив" подразумевается нечто совсем иное. Факультатив — это спецкурс, который студент выбирает по своей воле. Он может выбрать курс того или иного профессора. Но, выбрав определенный курс, он должен ходить на занятия и сдавать зачет. Факультатив — это не разгильдяйство: сегодня пошел, а завтра нет. Факультатив — это выбор определенной сферы работы. Записавшись именно на этот курс, студент должен в сессию сдать по нему зачет.

Значит, если мы ввели факультативные занятия в школе, мы предложили старшеклассникам выбор области их дополнительной работы. Дети

есть дети. Не каждый урок будет им интересен. И вряд ли в достаточном количестве можно найти преподавателей, у которых каждый урок был бы захватывающим. Более того — вероятно, нет ни одного преподавателя, у которого каждый урок был бы равно увлекателен. И в истории религии, и в православном богословии есть, скажем так, не-увлекательные сюжеты. Но если их опустить — не будет понятен дальнейший материал, да и знания ученика останутся ущербными. Значит, факультативные занятия в школе тоже должны иметь собственную организационную форму и определенную дисциплину.

По окончании семестра (или четверти) школьник, которому стало неинтересно, должен иметь возможность перейти на другой факультатив (может быть, чисто светский) — но это должен быть именно переход с одной работы на другую, а не уход от учебы. Предложить же в течение семестра школьникам выбор между уроком (факультативом) и ничегонеделанием — значит спровоцировать их на вполне определенный выбор. Или же придется превратить эти уроки в развлекалочки-посиделочки (что нередко и делают представители сект, которым важно не столько дать ребятам знания, сколько просто привлечь их к себе).

Мне (уже не как "директору", а как священнослужителю) обязательность уроков скорее мешает. Мне вполне достаточно трех-четырех действительно заинтересованных лиц. Но мне (как гипотетическому директору) важно, чтобы уроки имели образовательное действие. Практика же показывает, что при сотрудничестве школы и священника получается довольно неожиданный для школы эффект. "У нас дети совсем распоясались, так Вы им расскажите что-нибудь, чтобы они меньше шалили", — так обычно звучит формулировка приглашения священника в школу. Но дело в том, что "шалые" дети на необязательный урок не останутся или сбегут с него после двух-трех раз (независимо от талантливости преподавателя). В классе останутся только наиболее толковые ребята, способные думать и переживать. И в результате получается, что те, о ком более всего беспокоились учителя, от уроков Закона Божия не получают ничего. Как преподаватель — я рад и тем немногим, что остаются в классе. Я вдвойне рад тому, что при мне — лучшие. Мне с ними и легче, и интереснее. Но руководство школы должно понимать, что, приглашая ко мне учеников на основании полной добровольности, оно отдает мне своих именно лучших учеников, а отнюдь не "социально опасных".

И тогда лучше всего было бы после второго занятия объявить ребятам: "Теперь вы знаете, о чем и как будет идти речь. Вот листок — кто желает,

пусть запишется на этот факультативный курс. Он продлится столько-то времени, в аттестат мы его занесем под таким-то названием. Когда в конце года будем составлять вам характеристику, учтем вашу работу на этом факультативе при обсуждении того пункта характеристики, в котором говорится о ваших способностях к самостоятельной работе. Для тех, кто сейчас запишется, занятия будут обязательными до ближайших каникул".

Это — в случае, если пройдет православный проповедник. А если все же появится кто-то очень обаятельный, состоятельный, неправославный, но по настоятельной просьбе из департамента образования?

Что ж, формальные процедуры тем более необходимы: и подтверждение его полномочий от той конфессии, которую он представляет, и представление им педсовету учебного плана своего курса. Особо важно объявить и педагогам, и родителям, и детям, от лица какой именно конфессии будет говорить проповедник. Он-то себя предпочитает называть просто "христианином". Но нужно более ясное доктринальное представление: кто ты — баптист, мормон, пятидесятник, адвентист, иеговист? Чтобы не получилось такой ситуации: родители убеждены, что дети получают знания о Православии и от православного христианина, тогда как на самом деле на уроках им потихонечку прививается ненависть к Православию (язычники де, идолопоклонники).

В Женеве я видел уличные плакаты, приглашающие на встречу с оккультистами, и внизу была обязательная приписка: "Женевский университет не имеет никакого отношения к этому мероприятию". Нечто вроде нашего: "Минздрав предупреждает: курение опасно для вашего здоровья". Так вот и при представлении неправославных проповедников российской публике было бы очень полезно (и вполне законно) предупреждать об их чуждости Православию: "Мы, дорогие родители, пригласили в школу г-на Пака, так имейте в виду, что он протестант, то есть совсем даже не православный. Так что если вы согласны, чтобы ваши дети стали членами Корейской протестантской церкви, а не Русской Православной — пожалуйста. Администрация школы не против его работы — он нам обещал дать деньги на ремонт актового зала".

Что ж, если по законам рыночной экономики российская школа не может жить, не приторговывая душами своих детей, — то делать это надо, по крайней мере, открыто.

И еще, при этом желательно соблюдать законы, сколь бы несовершенными они не были в сегодняшней России. А эти законы не разрешают в

школе проводить культовые мероприятия. То есть школа может сотрудничать с религиозными организациями — но исключительно на предмет общеобразовательных интересов. Богословские лекции в школе могут проходить. Богослужения — нет. К сожалению, многие директора считают, что богослужение — это только когда в рясе, с иконами и с кадилом. А если молитва поется в пиджаке и под гитару — так это вовсе и не культовое действо. Как православный я вообще-то согласен, что таинств и истинного богослужения у сект нет. Но с точки зрения закона — это все равно молитвенное собрание. И потому директора школ, разрешающие протестантам — пусть даже в выходные дни, пусть даже в отсутствие школьников — устраивать молитвенные собрания в школе, все же нарушают закон.

Теперь понятно, как действовать, если учительница принесет и положит на мой директорский стол книжку с вполне невинным названием "Учитель и общество", изданную в 1995 г. Центральным окружным управлением Московского Департамента образования. В статье составителя этого сборника, методиста А.И.Леонтьевой, можно прочитать: "Что такое духовность? Главный аспект — чувство человека иной, духовной реальности... бесчисленные острова материи погружены в континуум духа. И вырастают из того континуума. И черпают из него информацию, превращая ее в энергию — основу своего существования" (С. 26). Целью же "уроков духовности" оказывается "проникновение сакральных эманаций извне" (С. 28), для чего "необходимо регулярно вводить ребенка в потоки космической праны" (С. 32).

Понятно — перед нами призыв к религиозной работе, а, значит, книга есть не что иное, как религиозная проповедь. По терминологии несложно догадаться, что религия, проповедуемая методистом на деньги департамента образования Москвы, не является христианской (в сборнике больше всего ссылок на Рерихов). Что ж — выше уже шла речь о том, как следует решать вопрос о введении уроков религиозного образования в школе... Программа — рекомендация — педсовет — родительское собрание... И честное извещение на всех этапах: на этом уроке мы преподаем именно религию и именно в такой ее разновидности.

Понятно также будет, и как реагировать на изданную в 1994 году книгу В.М.Голубчик и Н.М.Тверской "Человек и смерть. Поиски смысла (Этические аспекты явления). Книга для учителя". На 124 странице там есть замечательное задание: "Вопрос учащимся: Как вы думаете, что сильнее может повлиять на поведение человека, страх наказания свыше ("средство" христианской церкви) или осознание действия Закона Кармы ("средство"

восточных религиозных учений и теософии)? Ответьте, пожалуйста, каждый за себя (как вариант ответ может стать темой письменной работы). Проанализируйте с точки зрения теории перевоплощения и кармы церковное "отпущение грехов" священником. В чем отличие? С чем вы согласны? Если нет, то почему? Сравните свою позицию с позицией Елены Рерих, писавшей в 1935 г., что "вырождавшаяся церковь на протяжении веков внедряла в сознание своей паствы животное чувство безответственности. С детских лет человек знает, что он может совершить самые большие злодеяния, но если духовник отпустит ему на исповеди грехи его, то он освобождается от бремени их и может начинать снова, до следующего покаяния и столь же успешного освобождения от бремени". Согласны вы с этим высказыванием? Обоснуйте свой ответ с этической точки зрения".

Также вполне ясная религиозная проповедь. Ясно, что также отнюдь не христианская. Ясно, что с точки зрения истории религии дети при столь предвзятом подходе авторов учебника не получают сколь-нибудь аутентичных знаний о христианстве.

В общем, если бы директором был я, то не стал бы в сотый раз экспериментировать с какой-то новой сектой, несущей "новое мировоззрение" и "новые методики", а постарался бы наладить реальное сотрудничество с теми конфессиями, которые внесли наибольший вклад в культуру России, храмы которых украшают соседние, а не заморские улицы, и последователи которых чаще всего посылают своих детей в мою школу. В нашу общую школу.

Закон о свободе совести: расстрелянные поправки

В середине июля Верховным Советом России приняты поправки к закону "О свободе вероисповеданий". На них было наложено президентское вето. Официальные заявления последовали со стороны МИД Великобритании, конгрессменов США. "Демократическая" пресса России дружно выступила против поправок. Но что еще более удивительно — российской прессе не было сообщено о том, что Президент исполнил пожелания американских конгрессменов. Как оказалось, одно дело — заявлять о своей поддержке традиционных конфессий России и со свечкой потеть в пасхальном храме, и другое — сделать хоть что-то конкретное для защиты традиционной духовной культуры России.

Второй раз к обсуждению этих поправок парламент вернулся уже в конце сентября, после того, как сам он уже был объявлен вне закона. Естественно, что подписание Руцким нового законопроекта лишь отодвинуло возможности его осуществления. Но устранение тех или иных политиков не приводит к устранению самих проблем. Поэтому стоит сказать о том значении предлагавшихся поправок, которое выходит за рамки тогдашнего политического контекста.

В своем прежнем виде российский закон о религиозных объединениях просуществовал только три года. Принятый на волне почти общеобязательного поиска "дороги к храму", он разделил судьбу многих порождений "перестройки". Красивый на бумаге, гордящийся своей подогнанностью под "общечеловеческие ценности", он, как и всякая утопия, оказался малоприменим к реальной жизни России. Справедливо отобразив у коммунистического государства рычаги управления жизнью российских религиозных организаций, он не позаботился о том, чтобы власть над этими рычагами не перешла к зарубежным религиозным центрам.

В результате на три года Россия стала зоной настоящего религиозного браконьерства. Любой иностранный проповедник, даже из тех, чьи дела на родине пошатнулись, мог с вложением минимальных средств разворачивать неслыханные по массовости кампании здесь, в России. Например, Джимми Свагер, отлученный за свои прегрешения от своей общины в США, — в России ведет телепередачи.

Может быть и не было бы никакой нужды в принятии поправок к закону (равно как и в моих статьях, полемизирующих с протестантизмом) — если бы зарубежные проповедники соблюдали элементарное правило вежливости: входя в дом, представляться, гласно объявляя, что люди приглашаются на собрание анти-православного толка.

Суть поправок к закону — во вновь введенной 14 статье⁴, запрещающей иностранным гражданам вести религиозно-миссионерскую деятельность на территории России. В интерпретации критиков поправок новый закон устанавливал для Православия статус государственной религии, а протестантов ставил в положение гонимого меньшинства.

На деле, несмотря на грозную формулировку статьи, иностранные миссионеры при желании могли бы продолжать свой труд в России. Для них предлагалось запретить только одно: действовать самостоятельно, без опоры на уже существующие и зарегистрированные российские религиозные организации и без их приглашения. Московские баптисты имели бы полное право пригласить того же Билли Грэма к себе в гости. Они имеют право снять для своих собраний тот же Олимпийский стадион. И, конечно, они имеют право во время собрания предоставить слово своему американскому единоверцу. Права российских баптистов, таким образом, ничем не ограничены. Напротив, они резко расширяются (расширились бы...): руководству Союза баптистов новой редакцией закона дается право цензуры. Если оно пожелает пригласить какого-то иностранного проповедника — он сможет приехать; если по каким-то соображениям оно этого не желает — тот не сможет развернуть активную деятельность в России.

Два обстоятельства делают новую версию закона чрезвычайно выигрышной для российских протестантов. Во-первых, уже указанное право цензуры давало бы им в руки средство для борьбы со своими прямыми конкурентами. Баптисты, пятидесятники, адвентисты очень серьезно обеспокоены деятельностью всевозможных "харизматических проповедников" и "евангельских целителей". Даже в их представлении это — сектанты, компрометирующие своей деятельностью Христово Евангелие. Например, на вопрос, как относятся протестанты к деятельности корейской "церкви унификации преподобного Муна", Фирисюк, председатель Союза ЕХБ на брифинге издательства "Протестант" в Центральном доме журналистов 2 февраля 1993 г. сказал: "Мун — это не христианство, и его распространение

---

⁴Статья 14 новой редакции закона предлагала: "Правом на занятие религиозно-миссионерской, издательской и рекламно-пропагандистской деятельностью зарубежные религиозные организации, а также лица, не имеющие гражданства Российской Федерации, не пользуются".

в России ничего кроме вреда не принесет". Теперь, если брату Фирисюку не понравится деятельность еще какого-нибудь околопротестантского проповедника, он сможет на законном основании поставить вопрос: от имени какой организации выступает этот агитатор, если мы, российские баптисты, его не приглашали?

Во-вторых, новый закон мог бы чрезвычайно благоприятно сказаться на финансовом благополучии российских протестантских общин. Дело в том, что с его принятием их западные единоверцы не смогли бы финансировать свои благотворительные и миссионерские программы в России, минуя официальное руководство российских протестантов. Акция того же Грэма должна была бы осуществляться так: фирма Грэма перечисляет деньги на счет российского Союза ЕХБ, а тот делает приглашение Грэму. После этого со своих счетов Союз оплачивает проведение рекламной кампании, которую он должен вести как свою собственную, — ибо права на самостоятельную рекламу самого себя у Грэма уже нет. Тем самым все деньги, которые направляют западные религиозные центры на изменение религиозной истории России, теперь шли бы через руки российских протестантов. До этого на их прямое финансирование Запад шел очень неохотно, предпочитая устраивать самостоятельные акции.

Почему же руководители российских протестантов выразили свой протест против принятия этой статьи? Это может быть объяснено лишь двумя причинами — либо это недомыслие, либо лукавство. Если лидеры протестантских конфессий не в состоянии увидеть, какие козыри и лично им, и их общинам предлагал новый закон, — значит, остается лишь выразить сочувствие российским протестантам, избравшим себе в пастыри людей, лишенных всякой способности к аналитике. Если (что больше похоже на истину) протестантские пастыри понимают преимущества новой редакции закона — значит, они просто напропалую лукавят. Это ведь очень выгодно — занять положение "гонимого", на деле получив права цензора. Получается, что своих американских конкурентов российские протестанты устранили руками Русской Православной Церкви, руководство которой приняло на себя весь гнев мировой демократической прессы за свое прямое и нескрываемое лоббирование в пользу принятия поправок.

И вновь повторяю: в этой конкурентной борьбе американских сект между собой, перенесенной в Россию, новый российский закон давал фору тем из протестантов, кто уже успел зарегистрироваться до октября 1990 г. Остальным предлагалось подождать еще год. Что еще удачнее — эту фору российские протестанты получали с подачи Православной Церкви. И те-

перь, с одной стороны, они могли бы с чистой совестью говорить своим устраненным с российской арены американским братьям-конкурентам, что "мы бы и рады вас здесь видеть, да вот православные с парламентариями тут сговорились", а с другой — и в глазах Запада, и в представлении российских масс-медиа они заняли выгодную позицию гонимых.

В сетованиях по поводу принятия поправок главный тезис — "нарушаются права человека". Пропаганда есть пропаганда — какие права и какого человека, оговаривать не обязательно.

Права российских протестантов, как мы видели, законом не сужались, а расширялись.

Католики протестовали, поскольку их мог коснуться пункт об усложнении порядка назначения иерархов, присылаемых зарубежными центрами. Но делали они это скорее в надежде взять шумом, нежели опираясь на логику, ведь отношения Ватикана с каждой крупной страной мира (кроме России) регулируются специальными "конкордатами", в которых с разной степенью жесткости оговаривается как раз порядок приезда в страну назначаемых из Рима иерархов. Во Франции, например, до сих пор Парижский архиепископ должен утверждаться в должности президентом Франции (что особенно трогательно при президенте-социалисте), без этого ватиканское назначение недействительно.

Крупнейшие религиозные общины России — православные и мусульмане — выразили свою однозначную поддержку закону. Более того, сам вопрос о необходимости законодательного регулирования деятельности иностранных миссионеров в России впервые был поднят именно мусульманскими руководителями на встрече глав религиозных конфессий России с Президентом перед апрельским референдумом.

Что касается прав неверующих — их как раз и брала под защиту пре-словутая 14 статья. У человека должна быть свобода выбора. Но чтобы выбор был свободен, он должен быть, как минимум, замечен человеком. Выбирающий должен осознать, что он стоит на развилке, что перед ним две разные дороги. Именно этого права на свободу выбора и не хотят предоставлять россиянам заезжие проповедники. Они сами прекрасно понимают, что тот, кто войдет в их общину, должен будет отойти от Православной Церкви. Они считают Православие "языческим искажением"; Православие в свою очередь видит в них еретические секты. Систему оценок каждый волен выбирать сам — но сегодня протестанты зачастую представляются как "православные" и, уж точно, никогда при первом знакомстве не называют себя про-

тестантами или адвентистами. "Мы — христиане", — говорят они, понимая, что в сознании среднего россиянина слово "христианин" не требует дальнейших уточнений, являясь синонимом слова "православный".

У человека должно быть право знать, кто обращается к нему с проповедью. У него есть право знать — куда его зовут. В соответствии с новой статьёй на проповедь Финли уже нельзя было бы приглашать как на "Библейский путь к новой жизни". Пришлось бы прямо сказать: "Московская община адвентистов седьмого дня приглашает вас на служение с участием нашего брата Марка Финли". И в этом случае человек мог бы понять: мне предлагают стать адвентистом. И тогда в своей свободе он и решит — желает он этого или нет.

А если кто-то будет утверждать, что, не встречаясь с очередным харизматиком из Америки или Кореи, нельзя сделать свободный религиозный выбор, — его можно спросить: насколько по его мнению свободен выбор российского протестанта, который принял веру американских пятидесятников — не успев ознакомиться с религией африканского племени Мукумба?

Впрочем, если какой-нибудь новый "мессия", отколовшийся от американских протестантов, пожелает самостоятельно принести свое "откровение" России — он в конце концов смог бы и это. Просто сначала ему пришлось бы приехать сюда без рекламы и шума и в квартирно-кухонных переговорах найти десять, если и не единоверцев, то хотя бы людей, которые согласятся заявить себя таковыми (это будет стоить очень недорого). После этого десять его новых друзей подадут заявление на регистрацию. Не позднее чем через 12 месяцев (если они в своем уставе не напишут очевидных призывов к каннибализму) их зарегистрируют, а дальше прокрутится та механика, о которой была уже речь выше в связи с возможным приглашением Билли Грэма...

Поскольку я далек от мысли, что в Ватикане и на Капитолийском холме Вашингтона сидят люди, не понимающие этих очевидных вещей, приходится заключить, что в глазах "мирового сообщества" наказуема любая серьезная попытка помочь возрождению России на ее традиционных духовных началах. Понимает или нет это Президент России? Оба возможных ответа равно печальны...

Зарубежное законодательство о религиях

Норвегия. Конституция, ст. 2. Евангелическая лютеранская религия является официальной государственной религией. Граждане, исповедующие эту религию, должны воспитывать своих детей как ее последователей.

Дания. Конституция, ст. 4, ч. 7. Евангелическая лютеранская Церковь является государственной Церковью и в качестве таковой поддерживается государством.

Греция. Конституция, ст. 3. Преобладающей религией в Греции является Восточная Православная Христианская Церковь. Греческая Православная Церковь, признавая своим главой Господа Иисуса Христа, едина по своей доктрине с великой Константинопольской Христианской Церковью.

Ст. 13. Все известные религии свободны, а право на отправление обрядов защищено законом.

Аргентина. Конституция, ст. 2. Федеральное правительство поддерживает Римскую апостольскую Католическую Церковь.

Боливия. Конституция, ст. 3. Государство признает и поддерживает римскую апостольскую католическую религию. Гарантируется возможность публичного отправления любого другого культа. Отношения с Католической Церковью регулируются посредством соглашений, заключенных между боливийским государством и святым престолом.

Ирландия. Конституция, ст. 44, ч. 2. государство признает особое положение святой Католической апостольской Римской Церкви как хранительницы религии, исповедуемой значительным большинством ее граждан.

Италия. Конституция делит все религии на два разряда: "католическая" (ст. 7), с которой государство заключает Конкордат, и не католические религии (ст. 8). Мотивация сотрудничества государства с Католической Церковью в ст. 9 Конкордата формулируется так: "Итальянская Республика, признавая ценность религиозной культуры и учитывая, что принципы католицизма являются историческим наследием итальянского народа..."

Израиль. Закон о возвращении, ст. 4а: право на репатриацию в Израиль имеет любой еврей, но лишь когда он не исповедует иную религию. Верховный суд Израиля постановил (дело "Руфайзен против Государства Израиль").

иль"), что все евреи, перешедшие в христианство, теряют право на репатриацию в Израиль.

Болгария. Конституция, ст. 13. Традиционной религией является Восточное Православное вероисповедание.

В **Англии, Дании, Швеции** глава королевского дома является и официальным главой государственной Церкви.